ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 20 (2403) Среда, 10 марта, 1948 г. Цена 40 коп.

Растить и воспитывать молодые силы

Появление все новых и новых имен на обложках книг и на страницах литературных журналов ярче всего свидетельствует о неуклонном развитии нашей литературы, о непрерывном и здоровом ее росте. Последние три года были отмечены появлением новых писательских имен, сразу завоевавших любовь и доверие читателя. Этот приток свежих сил может сравниться по размаху разве лишь с первым периодом становления советской литературы, когда десятки людей впервые взялись за перо, чтобы поделиться с читателем страстными мыслями своими об открывшемся их взору будущем Родины.

Литература наша зарождалась не как литература созерцателей, но как бурная летопись, которую ведут сами творцы истории.

Сама жизнь непрерывно вводила в нашу литературу новые и новые силы.

Так произошло и теперь, — смело и уверенно прозвучали в советской литературе новые голоса поколения, прошедшего суровую закалку Великой Отечественной войны и вступившего в величайший исторический период, когда под строительными лесами начинают обрисовываться прекрасные очертания грандиозного здания коммунизма.

Эти новые голоса влились в нашу литературу настолько органично, что невозможно сейчас говорить о значительных литературных явлениях последнего трехлетия, оставляя в стороне книги, стихи и пьесы, которыми дебютировали авторы, дотоле не известные широкому читателю, либо даже впервые испробовавшие свои силы в литературном труде. Возможен ли серьезный, полновесный разговор о литературе, в котором оказались бы обойденными книги П. Вершигоры и Веры Пановой, Эльмара Грина и Виктора Некрасова, Георгия Березко и Александра Гончара, Михаила Бубеннова и Семена Бабаевского, повести Эм. Казакевича и В. Авдеева, рассказы В. Лукашевича, С. Антонова, Е. Воробьева, И. Северцева, стихи Алексея Недогонова, Михаила Луконина, Александра Межирова, Сергея Наровчатова, Семена Гудзенко, Николая Грибачева!

Обилие новых имен, обилие удачных и значительных дебютов стало возможным в нашей литературе прежде всего благодаря постоянному вниманию и отеческой заботе, которые всегда проявляла и проявляет по отношению к молодым творческим силам партия большевиков.

Эта горячая отеческая забота сказалась недавно в том серьезном указании, которое было сделано нашей литературной критике на страницах газеты «Культура и жизнь».

В редакционной статье «Дубинка вместо критики» газета предостерегала против такой критики, которая может затруднить привлечение талантливой молодежи к творческой литературной работе.

«Задача критики, — говорилось в той же статье, — состоит в том, чтобы смело, решительно поддерживать художественные произведения, проникнутые чувством нового, раскрывающие внутренний мир советского человека — строителя коммунизма».

В этом необходимом напоминании еще раз сказалась постоянная, действенная забота партии о судьбах нашей литературы, о перспективах ее укрепления и развития.

Недоброжелательная критика способна отшибить у молодого писателя всякое желание совершенствоваться и продолжать свою литературную работу. Ничего, кроме огромного вреда для советской литературы, критический скуловорот при помощи тяжелой критической дубинки принести не может.

Заботливейший садовник нашей литературы Алексей Максимович Горький на протяжении всей своей жизни показывал пример того, как внимательно и чутко следует прислушиваться к молодым голосам, вступающим в литературу. Горький несмотря на огромную загруженность литературной, редакторской и общественной работой, всегда находил время не только прочитать каждую полученную им рукопись, но и подробно, ласково и сурово ответить автору, разобрать все погрешности, обнадежить человека, если только заметил он в его труде хоть искорку истинного таланта и серьезного, ответственного отношения к литературному труду.

Отпугивание начинающих литераторов критической дубинкой, а также и наплевательское отношение к писательскому труду, выражающееся в печатании недоработанных, незрелых произведений, в захваливании таких произведений «на корню», еще до того, как читатель успел познакомиться с ними, — все это, в конечном счете, явления одного порядка и равной вредоносности. За ними одинаково скрывается отсутствие подлинной партийности, идейной страстности, горячей заинтересованности в общем нашем большом и ответственном деле.

Молодые писатели идут в литературу из самых глубин народа. Большая группа авторов, после войны напечатавших свои первые произведения и быстро снискавших читательское признание, принадлежит к числу тех сынов советского народа, которые на передовых позициях фронта, с оружием в руках отстаивали свободу и независимость нашей Родины.

Пополнение в нашу литературу приходит из заводских цехов и с колхозных полей. Это новая интеллигенция страны социализма, не порывающая самой тесной связи со своим народом, живущая его интересами, выражающая его думы.

В литературу они приносят с собою прежде всего отличное знание жизни, понимание происходящих событий, наступательный порыв, которым горят строители коммунизма.

Этим начинающим писателям часто недостает и теоретических, исторических познаний, владения формой, знания законов литературного мастерства.

Тут-то и необходима вдумчивая, умная критика, которая могла бы направить писателей в сторону нужных поисков, помочь в дальнейшем совершенствовании.

Всячески нужно приветствовать начинание Союза советских писателей Украины, который затеял издание специальной библиотеки в помощь начинающему писателю. Но гораздо чаще приходится слышать жалобы на то, что творческая молодежь, стремящаяся притти в литературу, не находит необходимой поддержки. Такие сигналы получены, например, в ряде писем, адресованных нашей редакции из Грузии. Поступали такие жалобы и из ряда других республик.

Забота о судьбе начинающих литераторов является кровным делом не только для писательских организаций, но и для комсомола.

В прошлом году Центральный Комитет ВЛКСМ и правление Союза советских писателей СССР провели в Москве специальный семинар — совещание молодых писателей, созванных из всех республик и областей Советского Союза. Этот семинар принес пользу не только его непосредственным участникам. Он помог составить представление об огромных творческих резервах нашей литературы.

Участники совещания были разбиты на группы; к каждой группе были прикреплены опытные мастера нашей литературы. Они рассказывали о принципах литературного творчества, проводили разборы произведений, привезенных в Москву молодыми литераторами. Это, несомненно, оказало плодотворное действие на дальнейшую работу творческой молодежи. Но сохранилась ли в дальнейшем связь между этой молодежью и теми мастерами, которые работали с участниками во время короткого их пребывания в Москве? Может быть, лишь в отдельных немногих случаях. Большинство же мастеров даже и не пыталось установить такую связь и поддержать своей творческой помощью тех начинающих писателей.

Заботливо выращивать молодые творческие кадры — одна из основных задач Союза советских писателей. Эту задачу должен считать своим личным, кровным делом также и каждый наш писатель в отдельности.

Такому заботливому воспитанию литературной молодежи учил нас Горький. Этому повседневно учат нас партия, ее Центральный Комитет и лично товарищ Сталин. В умном, заботливом, проникнутом подлинно партийной требовательностью отношении к созревающим творческим резервам — залог дальнейшего роста и развития советской литературы, помогающей партии большевиков и всему нашему великому народу в разрешении величайшей исторической задачи — в построении коммунизма в нашей стране.

Сергей КРУШИНСКИЙ — Власть имущие

В капле воды отражается мир. В слове порой отражается целая эпоха. «Власть имущие» — как резко выражена в этих двух словах вся система отношений в старом мире, где власть принадлежит клике господ.

У нас это выражение умерло, а если вспомнить его, то оно прозвучит совершенно по-новому. Власть имущие — это народ.

Я подумал об этом, встретившись с Никитой Серенко, депутатом Верховного Совета РСФСР. Вчера около полудня он прибыл в Москву, на сессию, и на перроне Северного вокзала мы снова говорили с ним об алтайских делах.

Это коренной сибиряк. У него темное, сызмальства обожженное ветрами лицо и большие руки, знающие, что такое работа на земле. Он крепок, как сибирский кедр, — в сорок восемь лет ни одного седого волоска. Это человек труда.

«Обыкновенная» жизнь? Нет!

В жизни каждого нашего человека столько чудес, что хватило бы и на десятерых.

Его спросили в пути:

— Так ваша фамилия Серенко? Никита? По отчеству Васильевич? Из колхоза «Страна Советов»? Ну вот, наградили вас золотой звездочкой, поздравляю со званием Героя Социалистического Труда.

В странах Запада, где так много кричат о «демократических традициях», крестьянин и сегодня остается на положении серого быдла, там он — предмет насмешек для любого бездельника, там он во власти ростовщиков.

Разве таков наш крестьянин?

На станции Киров, выйдя на перрон, Никита Серенко купил свежий номер газеты и прочитал Указ. В Москве — новые поздравления. Телеграммы с Алтая.

Скромный человек, он застенчиво улыбался и на приветствия отвечал:

— Ну да, конечно, много еще нам нужно сделать. Так и колхозники наказывали сказать.

Он приехал из Сибири.

Глядя на запад нашей Родины, в Сибири говорят: Большая сторона.

Двадцати лет Никита Серенко впервые отправился в эту Большую сторону, «за камень», то-есть сюда, за Уральский хребет, — бить Врангеля и англо-французских интервентов, защищать молодую советскую власть. Это был первый его шаг, как человека государственного.

Спустя двадцать лет он опять пересек Уральский хребет — приехал в столицу на сельскохозяйственную выставку. Он видел изумительные плоды родной земли — дары свободного труда.

В Сибирь, в свою деревню он вернулся 19 июня — через три дня началась война. И опять Большая сторона призвала Никиту Серенко. Сапер-разведчик, он прокладывал в верховьях Волги дорогу танкам. Разрывная пуля покалечила руку. Уехал в Сибирь, поклявшись помогать оттуда победе.

Так люди делают историю, и так борьба воспитывает человека.

После войны — засуха. Страна взвешивала на ладони каждое зерно.

Колхозники Алтайского края показали высокий пример социалистической сознательности — щедрой мерой принесли урожай в закрома государства. Выделялся подвиг артели «Страна Советов». Сто тысяч пудов хлеба! Требования плана давно уже остались позади. Но все тянулись к элеватору обозы. Колхозники сдавали зерно из собственных, личных запасов.

И тогда страна вновь услышала имя Никиты Серенко. Обозы снаряжал он. Первые сани доставили на элеватор его хлеб.

Зимой стояли такие морозы, когда не только металл, но и дерево поет, когда снег под полозьями уже не скрипит, а рсвет. Кандидат в депутаты Никита Серенко поехал к избирателям. Он хотел повидать побольше людей, и потому встречи часто устраивались прямо так — на улице. К санкам выносили стол. В полушубках, в надвинутых шапках, в заиндевелых платках собирались селяне. И начинался разговор о прошедших и о будущих днях.

Весна на Алтае. Холодные зори. Багряные озера в плоских берегах. Трактористы в распахнутых полушубках; сверкают медные пуговицы поношенных солдатских гимнастерок. Алтай первым подал голос в перекличке колхозных земель. Голоса были обращены к великому Сталину. Никита Серенко с дружным артельным коллективом обещал вырастить урожай еще более высокий, чем прежде. Дни проходили в больших и малых заботах.

Он чувствовал себя депутатом не только там, в Москве, в зале с мраморными колоннами, но и на борозде колхозного поля, когда обучал молодого пахаря мастерству хлебороба.

На этот раз колхоз дал государству двести тысяч пудов зерна.

Недавно в Барнауле собрался краевой агротехнический с'езд. Передовики сельского хозяйства заседали в лучшем здании города. К с'езду была подготовлена выставка. Прибыли агрономы, ученые из Новосибирска, из Омска.

Много и хорошо говорили на с'езде о колхозе «Страна Советов», — дела его людей обогатили опыт земледелия.

Участник с'езда Никита Серенко прислушивался не только к тому, что говорилось о возделывании яровой пшеницы. Его интересовало многое. Очень заинтересовали его колодцы системы инженера Бояринцева.

В письме к товарищу Сталину от хлеборобов Алтая, опубликованном уже после с'езда, говорится, что в степи будут построены 250 трубчатых колодцев. В поисках резервов плодородия земледельцы заглянули в глубины подпочвенных пластов. Изучаются те водные потоки, что медленно движутся сквозь пески в извечной тьме, на глубине в двадцать, пятьдесят, сто метров. Десятилетиями бредут под землей эти воды с высот алтайских гор. Там, в горах, бесследно исчезает огромное количество осадков. Приспело время отыскать их и поднять.

Колодцы Бояринцева стоят дешево и дают больше воды, чем считалось возможным получать. Таким образом, мы, может быть, находимся на подступах к решению гигантской народнохозяйственной задачи. На повестке дня — обводнение засушливых степей за счет подземных вод и поливное земледелие в местах, где люди с трудом находили пресную воду даже для питья.

На с'езде алтайских хлеборобов я присутствовал при разговоре Никиты Серенко с инженером Бояринцевым. Инженер-ирригатор верит, что в одной Кулундинской степи можно оросить таким путем миллион гектаров плодородной земли.

— Миллион? А как вы думаете, можно было бы уточнить эту цифру? — вдруг спросил Никита Серенко. Спросил он обычным, свойственным ему тоном — мягко, скромно, но именно тут увидел я всю необыкновенность этого простого человека новой деревни. Это был уже не обычный разговор колхозника с инженером, это была беседа со специалистом-новатором советского депутата, видящего государственный горизонт нового открывшегося дела. В этом человеке чувствовалась твердая воля народа, который его избрал, творческая воля людей, по праву имущих власть.

«Шевченковские чтения» для молодежи

КИЕВ. (Наш корр.). Большой популярностью в столице Украины пользуются «Шевченковские чтения» для молодежи, организованные республиканским Обществом по распространению политических и научных знаний и ЦК комсомола Украины.

Драматург А. Корнейчук открыл цикл «Шевченковских чтений» вводной лекцией «Жизнь и творчество Т. Г. Шевченко». Видные украинские литературоведы Ф. Ястребов, Д. Копыця. С. Шаховской выступили с докладами об общественно-политических взглядах Шевченко, о его поэзии, лирике и прозе.

9 марта, в 134-ю годовщину со дня рождения великого кобзаря, критик И. Стебун сделал доклад «Шевченко — родоначальник новой украинской литературы».

В «Шевченковских чтениях» принимают участие народные артисты СССР и Украины, Государственный симфонический оркестр УССР, заслуженная академическая капелла «Думка».

Анатолий СОФРОНОВ — Современник

Мы мерзли в окопах с тобой под Смоленском,
Брели среди пепла в тиши деревенской,
Мы были под Ржевом, мы были под Мценском;
К Москве отступали в суровую осень,
Топтали на пажитях наших колосья.
Мы силу врага узнавали наощупь,
Мы дрались за каждую речку, за рощу.
Слепыми, метельными, злыми ночами
Мы песен не пели, мы больше молчали, —
Такими мы были когда-то, вначале.

Не будем с тобой вспоминать остановки,
Ночные броски и короткие дневки —
(Не раз обрывался ремень у винтовки), —
Дубленая кожа и та протиралась,
А как же солдатской, своей доставалось?
На желтых ладонях бугры да мозоли,
Да клочья шинели на вздыбленном поле...
Еще оставалось далеко до цели,
Еще нам не кланялись минские ели,
А все-таки мы по пути веселели!

Мы шли по лесам и полям опаленным,
Мы рядом сражались и нощно и денно,
Мы знали друг друга в полку поименно.
Теперь ты уже для меня современник,
Работник, кующий истории звенья;
Всему, что когда-то в салютах звучало,
Ты знаешь, кто дал и конец и начало.
Давай же, посмотрим мы мирной порою,
Кто зданье великой победы построил,
И кто тебя вывел, товарищ, в герои.

Я помню: гудел экскаватор над степью,
Гремели лопаты, железные цепи,
И пыль подымалась под ветром, как пепел.
Готов котлован был, чтоб встретить фундамент,
Бетон был замешан твоими руками;
Цемент и песок и увесистый гравий
Под солнцем степным желваками играли;
Легли арматуры железные ветки,
Петляли по синим путям вагонетки, —
Ты волю свою закалил в пятилетке.

Леса пятилеток — хорошая школа!
Друзья по бригаде — сыны комсомола.
И трудно бывало, а был ты веселым,
И в стужу и в зной выходил ты утрами,
Трамваем, пешком, перелеском, буграми, —
Умывшийся, стриженый, смелый и ловкий,
К заводу спешил ты в рабочей спецовке;
Спешил до гудка ты, траву приминая,
Встречала прохладой тебя проходная,
Знакомая, близкая, просто родная.

Ты был в пионерском отряде горнистом,
Ты был комсомольцем, ты стал коммунистом;
Ты можешь быть слесарем, зодчим, министром, —
Любые пути тебе в жизни открыли,
Лишь было бы сердце да были бы крылья,
Да воля большая, да творческий разум, —
Захочешь, — добьешься ты многого разом,
Лишь был бы таким, как в отряде когда-то,
Как был в Сталинграде и Ржеве солдатом,
И в песне, и в деле, как сокол, крылатым!

Давно мы с тобой поснимали шинели,
Давно мы военные песни не пели, —
А петь их когда-то мы славно умели!
Приходят на смену другие мотивы:
Рокочут станки, подымаются нивы;
Плывут по просторам, широким, бескрайным
Рожденные в новых заводах комбайны.
Стоит на мостках, на железных ступенях
Рожденное в буре войны поколенье, —
Ему никогда не бывать на коленях!

Повыцвели в поле у нас гимнастерки,
Но взгляд наш такой же приметливый, зоркий —
И видим мы все, что творится в Нью-Йорке,
Что злобно готовят для нас в Вашингтоне...
Лежат на штурвале комбайна ладони,
Глаза и сердца и поступки — спокойны, —
Мы были в Берлине, мы видели войны;
Мы мирные люди, советские люди,
Чехлы мы надели на жерла орудий,
Но если тревога, — солдатами будем!

Солдатами будем повсюду, доколе
Не кончится битва народов за волю,
За счастье народов, за светлую долю.
Из пепла отчизну свою подымая,
Трудом вдохновляем народы Китая,
Дорогой идем созидательной, мирной,
И слышат нас в Греции, в Индии, в Бирме.
Когда на трибуне стоим Ассамблеи,
Нас слышат в Триесте и слышат в Бомбее, —
И головы вверх подымают смелее.

Мы в первом ряду, современник, с тобою,
Готовы на подвиг, на дело любое,
Судьбою со всем человечеством слиты,
И наши дороги народам открыты;
И слышатся песни Советской России
В Белграде и Праге, Варшаве, Софии;
И смотрят с любовью на нас за кордоном
Рабочие Сены и доков Гудзона,
Мы в первом ряду, современник, и с нами
История встала под красное знамя!

УНИВЕРСИТЕТ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Союз композиторов организовал при Центральном доме работников искусств Университет музыкальной культуры.

Университет должен оказать творческую помощь молодежи в освоении классического наследия русской музыки. Для этой цели к преподавательской работе привлекаются виднейшие музыковеды, композиторы и исполнители. Программой университета предусмотрено также изучение различных форм музыкальных произведений, структуры и драматургии оперы.

В университете будут заниматься 700 слушателей. Каждая лекция сопровождается музыкальной иллюстрацией произведений Глинки, Чайковского, Мусоргского, Рахманинова и других великих русских композиторов.

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

В ТРУЩОБАХ ВАШИНГТОНА

Курсы по переподготовке беглых надьференцов, гавриловичей и тому подобных миколайчиков.

Закончилась декада литовской литературы

8 марта, в заключительный день декады литовской литературы, состоялось заседание президиума Союза советских писателей СССР.

После доклада председателя Союза советских писателей Литовской ССР тов. И. Шимкуса развернулись оживленные прения, в которых приняли участие А. Сурков, А. Караваева, К. Корсакас, Л. Малюгин и другие.

С краткой речью выступил генеральный секретарь Союза советских писателей А. Фадеев.

Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР тов. Ю. Палецкис вручил группе московских литераторов почетные грамоты за популяризацию литовской литературы среди братских советских народов.

* * *

Бюро национальных комиссий ССП организовало обсуждение литовского литературно-художественного журнала «Пергале». С отчетным докладом выступил редактор журнала Ю. Балтушис.

— В последнее время, — сказал Ю. Балтушис, — журнал «Пергале» достиг некоторых успехов: повысился идейный уровень, улучшилось литературное качество материала. Все значительные послевоенные произведения наших писателей впервые напечатаны на страницах «Пергале». Однако наша деятельность до сих пор страдает существенными недостатками. Прежде всего это относится к литературной критике, которая еще слаба, а порой и ошибочна. Насущные проблемы литературоведения не разрабатываются. В журнале мало прозаических произведений, рассказывающих о современной Литве. У редакции не было четко продуманного плана ознакомления читателя с творчеством писателей других республик.

После XV пленума ЦК КП(б) Литвы и пленума правления ССП Литвы, вскрывших значительные недостатки в нашей работе, намечены меры к повышению качества журнала.

В подробном разборе деятельности журнала за 1947 год литовский критик Б. Пранскус отметил, что тематическая актуальность напечатанных в журнале произведений является положительным качеством, но, к сожалению, многие произведения художественно бледны. Слабой стороной в работе отдела поэзии является отсутствие крупных поэтических произведений на советские темы; нередко в стихах дают себя знать пережитки декадентства.

Доклады вызвали оживленные прения, в которых проявилось искреннее желание московских литераторов помочь своим литовским товарищам. И. Альтман подчеркнул, что для плодотворной деятельности редакции «Пергале» особое значение имеет программа журнала, которая должна отличаться широкой перспективностью.

Г. Санников (журнал «Октябрь») отметил, что в центре внимания журнала должны быть политические злободневные темы. В выступлениях В. Кирпотина, Л. Блюмфельд, Г. Ломидзе, И. Жиги отмечались недостатки журнала и возможные способы их устранения. «Пергале» удовлетворительно знакомит читателей с новыми произведениями литовских писателей, но еще не является организатором литературы.

Подводя итоги обсуждения, П. Скосырев заверил редколлегию «Пергале», что бюро национальных комиссий окажет работе журнала необходимую помощь.

По Советскому Союзу

◆ **Вышел из печати первый номер научно-популярного журнала** «Наука и жизнь» — орган Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В журнале представлены разделы: «Наука на службе пятилетки», «Богатства нашей родины», «Ученые нашей страны», «Критика и библиография», «Новости науки и техники» и «Хроника».

◆ **Всесоюзная выставка изобразительного творчества детей** организуется Центральным Комитетом ВЛКСМ в честь 30-летия Ленинского комсомола, исполняющегося в октябре 1948 года. Выставка откроется в августе.

В оргкомитет выставки вошли президент Академии художеств СССР А. Герасимов, художник К. Юон, скульптор В. Ватагин и др.

◆ **40 лет литературной деятельности** одного из старейших поэтов Северной Осетии — А. Гулуева отметила общественность гор. Дзауджикау.

Первые произведения Гулуева были напечатаны в 1907 году в тифлисской газете «Новая жизнь». Гулуев — автор четырех сборников стихов на русском и осетинском языках. Его перу принадлежат переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Шевченко.

◆ **Строительство нового здания** Государственной публичной библиотеки началось в Сталинабаде. Это будет одно из красивейших сооружений города. В подвалах его разместится книгохранилище на один миллион томов.

◆ **Альбом иллюстраций** советских художников к произведениям А. М. Горького выпускает массовым тиражом издательство «Искусство» к 80-летию со дня рождения великого писателя.

Альбом состоит из рисунков художников А. Герасимова, Б. Дегтярева, Д. Шмаринова, В. Конашевича, Б. Иогансона, А. Пластова, С. Герасимова, Кукрыниксы, А. Кравченко.

◆ **Заканчивается печатание** первого тома «Словаря современного русского литературного языка», включающего буквы «А» и «Б». В него входит все лексическое богатство русской литературной речи XIX—XX веков. Словарь подготовлен к изданию Институтом русского языка Академии наук СССР (Ленинград). Полный об'ем издания — 15 томов.

ТВОРЧЕСКИЙ СЕМИНАР НАРОДНЫХ ПОЭТОВ

АШХАБАД. (Наш корр.). Народные певцы — поэты Туркменистана — бахши с'ехались в столицу республики на месячный семинар, организованный Туркменской государственной филармонией. Они изучают на семинаре решения ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Туркменской ССР по вопросам литературы и искусства, слушают лекции о творчестве великих русских композиторов.

По окончании семинара бахши выедут в аулы, где выступят с музыкально-песенными импровизациями перед колхозниками во время весенней посевной кампании.

С. МАКСИМОВ

Провокаторы из Стокгольма

Советский Союз предложил Финляндии заключить пакт о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Это предложение проникнуто желанием укрепить послевоенный мир, обеспечить Финляндии ее национальную независимость и государственный суверенитет. Президент Финляндии уже дал положительный ответ на предложение советского правительства.

Сразу же после выхода из войны финляндские правящие круги, умудренные печальным опытом двух войн, осознали необходимость заключить с СССР такой договор, который устранил бы в будущем всякую возможность использовать в третий раз территорию Финляндии для агрессии против Советского Союза. Весной 1945 года финляндский генеральный штаб составил меморандум относительно желательности заключения пакта о взаимопомощи с СССР. Проблема стала актуальной после вступления в силу мирного договора, когда Финляндия полностью восстановила свои права суверенного государства. Президент Паасикиви, выражая от имени финского народа благодарность СССР за благородный мир, сказал: «В будущем, если вновь будет предпринята попытка напасть на Советский Союз через нашу территорию, то мы вместе с нашим великим соседом будем бороться против агрессора в такой степени и так долго, как только это возможно».

Естественно, что предложение СССР о дальнейшем укреплении независимости и безопасности Финляндии было встречено с чувством глубокого удовлетворения прогрессивными кругами финского народа. В частности, известная финская писательница Эльви Синерво следующим образом высказалась о предложении СССР: «С большой радостью приветствую советское предложение. Оно не только уменьшает возможность нападения на нас. Оно также содействует развитию культурных связей с великой русской литературой, что особенно дорого мне, как финской писательнице».

Советское предложение вызвало удовлетворение и в демократических кругах Швеции. Каждый честный швед с чувством стыда вспоминает позорные факты 1941—1945 гг., когда шведская территория была «проходным двором» для германских эсэсовских дивизий. Но этот более чем своеобразный шведский «нейтралитет», помогавший Гитлеру распоряжаться вассальной Финляндией, весьма устраивал шведских промышленных магнатов и генералов со звучными дворянскими фамилиями. Сверхприбыли шведских концернов достигли тогда рекордных цифр. История последующих лет шведскую военщину ничему не научила.

Неудивительно, что советское предложение о заключении пакта с Финляндией не пришлось по душе поджигателям войны по ту сторону Ботнического залива. Весь антисоветский лагерь в Стокгольме пришел в неописуемое волнение: вот-вот плотно захлопнется та самая дверь, через которую шведские партнеры Уолл-стрит намеревались пропустить «заокеанских гостей» к границам СССР. Именно этого пуще всего опасаются шведские теоретики и трубадуры «американского образа жизни». Профессор Тингстен, возглавляющий шайку американских идеологических агентов в Швеции, еще совсем недавно в относительно спокойных тонах разглагольствовал о преимуществах «американской стороны» в проповедуемом им конфликте между Западом и Востоком. С обычным многословием упсальского профессора он нудно доказывал на страницах «Дагенс нюхетер», что всякое стремление сохранить нейтралитет в случае возникновения войны англо-саксонских держав против СССР следует расценивать лишь как недопустимое проявление «неполноценности Швеции». Но тот же редактор «Дагенс нюхетер» и идеолог шведской народной партии сразу же вышел из состояния профессорско-философского спокойствия, когда Советский Союз предложил Финляндии заключить пакт о взаимопомощи. «Убрать правительство Пеккала, изгнать оттуда левые элементы, сплотить все финские силы против советского предложения», — истошным голосом вопит сейчас Тингстен на страницах своей газеты. Потеряв всякое чувство меры и представление о приличии, сей американский обер-агент предлагает шведским дипломатам «решительно заявить русским, что их политика в Финляндии чрезвычайно повлияет на нашу позицию», а финских реваншистов подбадривает тем, что «едва ли можно сомневаться в желании англо-саксонских держав, особенно США, дать Финляндии, равно как и другим странам, гарантии».

С «Дагенс нюхетер» и Тингстеном в данном случае соревнуется другой американский подголосок — газета «Стокгольмс тиднинген», принадлежащая династии Крейгеров. «Готова ли Швеция к войне?»—строго вопрошает бывший геббельсовский официоз в Швеции. Если СССР парализует возможность нападения на него через Финляндию, рассуждает газета, то в случае войны Запада против Востока советские войска чуть ли не в 24 часа дойдут до Пиренеев на юге, Ламанша на западе и до Дании через Швецию на севере. Но орган, живущий на подачки от вывоза шведской руды в «Бизонию», видит луч надежды в том, что США готовы отвести эту мнимую угрозу от севера и подстрекает финских реваншистов и укрывателей оружия всячески противиться и мешать заключению пакта с СССР.

Усердным натравливанием финских реакционеров против СССР занимается и «Свенска дагбладет», орган шведской аристократии и военщины. Газета мечтает вслух о желательности английского протеста против подписания Финляндией пакта с СССР.

Шведская агентура англо-саксонских империалистов, окончательно запутавшись в своих антисоветских интригах, решается даже подсказывать Финляндии «аргументы» против заключения пакта — один другого нелепее. При этом шведские специалисты по международному праву забывают о том, что еще совсем недавно они же сами издевались над возможностью шведского нейтралитета, требуя безоговорочного «выбора стороны». Но тогда речь шла о том, чтобы стать на сторону американских монополий и против СССР. Это их вполне устраивало. А теперь та же «Свенска дагбладет», а за ней и социал-демократический журнал «Тиден», ничтоже сумняшеся, предписывают Финляндии во что бы то ни стало «блюсти нейтралитет», что означает на их языке: воздержаться от заключения пакта с СССР.

Враги мира на севере Европы, изо всех сил агитирующие против советско-финляндского пакта, превратили Стокгольм в центр антисоветской свистопляски. Из англо-саксонских стран срочно прибыли представители всех крупных газет и агентств, чтобы поразить мир сообщениями об «эксцессах в Финляндии». В Швеции наспех организуется «неделя Финляндии» с обычными антисоветскими выпадами.

Но финская демократическая общественность резко протестует против этих провокаций. Финский народ видит в пакте с СССР гарантию своей независимости и свободы, новый вклад в дело упрочения мира на севере и во всем мире. «Мы не позволим духу Таннера и Виттинга определить наше решение. Прочная дружба с СССР наилучшим образом гарантирует суверенитет нашего отечества», — заявил профессор Ирье Рууту. «Договор можно приветствовать в качестве верной гарантии по укреплению мира и самостоятельности страны»,—подчеркивает генеральный секретарь массовой организации «СССР — Финляндия» Карвонен.

Шумят стокгольмские витии. Слетелись борзописцы из гангстеровских издательств на берега озера Мелар в ожидании «чрезвычайных событий в Финляндии». В стокгольмских коктейль-холлах фабрикуются очередные измышления о «советских планах», столь же мутные, как смесь шведского пунша с английским виски. Но все они забывают, что финский народ сам стал хозяином своей страны и своей судьбы.

В борьбе за свободу Китая

Китайская Народно-освободительная армия успешно сражается за национальную независимость своего народа. Каждый день приносит вести о новых победах народных войск. В конце февраля они овладели портом Инкоу, в марте освободили Сыпингай, потеснили гоминдановцев в провинции Шэньси. Войска Чан Кай-ши несут тяжелые потери. Его солдаты сдаются в плен, а американское оружие становится трофеями Народной армии.

Вот несколько эпизодов героической борьбы китайского народа.

1. Трофеи Народно-освободительной армии, захваченные в боях у гоминдановцев. Это оружие изготовлено в США.

2. Бойцы Народно-освободительной армии осваивают трофейное американское противотанковое оружие типа «Базука».

3. Пленные гоминдановские вояки, конвоируемые бойцами Народно-освободительной армии, проходят по улицам Харбина.

Фото из английского журнала «Иллюстрэйтед Лондон ньюс».

В уголовно-дипломатическом мире

Ю. АЛЕКСАНДРОВИЧ

Не так давно в нашей печати было опубликовано письмо бельгийского посла господина Ле Гэ. В этом письме он категорически опроверг лживые утверждения бывшего бразильского посла в СССР Марио Пиментел Брандао относительно «препятствий», якобы чинимых иностранным дипломатам во время их поездок по Советскому Союзу.

Пиментел Брандао, верный слуга своих американских хозяев, не делающий ни одного шага без их согласия, — это только один из многих клеветников, которые из кожи вон лезут, чтобы угодить своим покровителям. Совершенно откровенную позицию прислужничества американцам занимает бразильский дипломат, экс-министр иностранных дел Освалдо Аранья, являющийся одновременно и главой бразильской делегации в организации Об'единенных наций и главой американской автомобильной компании «Виллис моторс Оверленд оф Брэзил». Ловко использует свои родственные американские связи и экс-министр иностранных дел, уже упомянутый нами Пиментел Брандао, женатый на американке и беззастенчиво выступающий при каждом удобном случае с безудержным восхвалением США. Но рекорд, однако, побил лидер «национально-демократического союза», тоже экс-министр иностранных дел Бразилии Отавио Мангабейра. Последний не постеснялся стать на колени и буквально облобызать руку Эйзенхауэру, когда тот посетил бразильский парламент в 1946 году.

Наконец, общеизвестно, что сам нынешний президент Бразилии генерал Дутра является послушной игрушкой в руках американского посла Вильяма Поули, диктующего ему все, что тот должен сделать в угоду интересам Уолл-стрит, начиная от гонений против демократических сил и разрыва с Советским Союзом и кончая передачей бразильских нефтяных богатств в руки американских монополистов.

Что же представляют собою те, кто, предавая интересы своего народа, верой и правдой служит его величеству доллару?

Лучшим ответом на эти вопросы могут быть некоторые факты, ярко характеризующие деятельность и нравы бразильских дипломатов и «высшего света» Бразилии.

Бразильский дипломат Жоао Батиста Соарес де Пинна, по странному совпадению откровенный поклонник сначала Гитлера, а ныне Трумэна, в 1946 году оказался назначенным на пост секретаря посольства в Москву. Как известно, после «пьяного скандала» сей бразильский дипломат был отозван из СССР.

Но в Бразилии этот инцидент получил иное освещение. Пиментел Брандао, бывший бразильский посол в СССР, действуя, видимо, по указанию своих хозяев, весьма заинтересованных в развязывании конфликта между Бразилией и СССР, изобразил это дело в докладе бразильскому министерству иностранных дел, как нападение на «совершенно невиновного иностранного дипломата». Он, мол, смиренно «стоял в очереди за получением тарелки супа», как вдруг «на него напали, избили и бросили окровавленного на снег, где он пролежал больше двух часов...»

Спущенная с цепи бразильская реакционная печать немедленно об'явила Соареса де Пинна чуть ли не «национальным героем».

Однако самое интересное оказалось впереди. Соарес де Пинна вернулся в Рио де Жанейро; не прошло и нескольких дней, как он показал себя в полной красе и здесь: он учинил новый скандал, затеял драку и пытался раздеться при всех догола... Замазать происшествие не удалось, и оно получило огласку в бразильской печати. Выяснилось, что Соарес де Пинна уже и раньше устраивал подобные дебоши, в частности, в Панаме, где он в пьяном виде однажды был арестован полицией. Пришлось дать Соарес де Пинна временный отпуск. Сейчас он пишет в Рио де Жанейро мемуары и готовится занять новый дипломатический пост.

Не менее колоритной фигурой является другой бразильский «дипломат» — Луис Сороа, секретарь Пиментела Брандао, который захватил его с собой в Москву из Мадрида. Для краткости предоставим слово бразильской газете «Трибуна популар»: «Луис Сороа — сын известного бразильского уголовного преступника, в прошлом киноартист, поступил в специальную политическую полицию Рио де Жанейро вместе с братом, Раулем Сороа, осужденным впоследствии за подлоги и вымогательство. Служа в полиции, Луис Сороа всегда добровольно принимал личное участие в зверских избиениях политических заключенных. Став казначеем управления полиции, Луис Сороа сбежал, захватив 200.000 крузейро, за что был судим и осужден. Тогда он бежал во франкистскую Испанию, где поступил на службу в бразильское посольство в Мадриде. И вот этот беглый преступник, разыскиваемый полицией Рио де Жанейро, оказался в Москве в качестве члена бразильского дипломатического представительства!»

В связи с оглашением фактов биографии Соарес де Пинна и Луис Сороа, известный бразильский журналист Раймундо Магальяэс Жуниор писал: «Однажды в нашем министерстве иностранных дел была сделана попытка произвести чистку дипломатического корпуса, чтобы избавиться от ничтожеств, тупиц, пьяниц и обладателей еще более постыдных пороков, которым подвержена часть персонала министерства. Было уволено несколько человек, но зло не искоренилось. Хроника скандалов, связанных с нашими дипломатами, весьма обширна. В одной южно-американской стране я встретил, например, руководителя бразильской дипломатической миссии, у которого бывали припадки белой горячки. Несколько напомаженных юношей из бразильского министерства иностранных дел скандально разошлись со своими женами по мотивам, о которых неудобно даже писать, и, несмотря на это, они продолжают служить в министерстве, отнюдь не меняя имени, как это сделал, например, Оскар Уайльд по выходе из тюрьмы...»

Гомосексуалисты, пьяницы, хулиганы и уголовные преступники — вот кто представляет Бразилию за границей, выполняя там поручения и указания покровителей из империи доллара.

От бразильских дипломатов, делающих внешнюю политику страны по указке Вашингтона, не отстают и те, кто проводит внутреннюю политику, превращая страну в колонию США.

Одним из наиболее рьяных «американофилов» является депутат бразильского парламента Баррето Пинто. Он также приобрел шумную известность скандалами и кутежами. В прошлом году в газете «Диретрисес» и в журнале «О крузейро» были помещены фотоснимки; на одном Пинто был изображен во фраке и нижнем белье, на другом — в окружении портретов своих любовниц, на которых, по его хвастливому утверждению, он тратит не менее 10 тысяч крузейро в месяц.

И этот «паяц», как его прозвали в народе, является одним из тех, кто в настоящее время принадлежит к правящим кругам Бразилии. Это он, выступая в палате депутатов, неоднократно требовал разрыва отношений с Советским Союзом. Это он подал ходатайство в Верховный избирательный трибунал об об'явлении компартии вне закона. А затем этот «человек, который запретил в Бразилии компартию», получил приглашение в Соединенные Штаты для выступлений по радио с докладами против коммунизма.

Чтобы дать исчерпывающее представление о нравах тех, кто сейчас правит Бразилией, мы расскажем о сцене, которая разыгралась в июле 1947 года в Рио де Жанейро на приеме в честь президента Чили Видела.

На прием во дворец президента были приглашены «сливки» бразильского общества — министры, сенаторы, генералы, крупнейшие капиталисты. Фраки, мундиры с аксельбантами и орденами, роскошные дамские туалеты, бриллианты — все это сверкало в ярко освещенных дворцовых залах, украшенных коврами и зеркалами.

Разодетые дамы, оставив меха и манто в вестибюле, церемонно поднимались по мраморной лестнице, где их встречали оба президента — Дутра и Видела. В залах звучала музыка, лакеи разносили на подносах вино и угощение. Все обстояло необычайно торжественно, пышно, прилично. Но вдруг одна из «гранфинас», как именуют в Бразилии дам «высшего света», спустившись в гардероб, обнаружила, что ее дорогой меховой палантин исчез. Весть о пропаже с быстротой молнии распространилась по дворцу. И вот, забыв о правилах этикета и великосветской выдержанности, «гранфинас» бросились в гардероб спасать меха. В вестибюле генеральши и сенаторши, наступая друг другу на шлейфы и обрывая драгоценности, изо всех сил старались протиснуться к вешалке. Произошла самая обыкновенная и далеко не великосветская свалка — дамы вцеплялись друг другу в волосы, нещадно толкались и даже царапались...

Но и этого мало: воспользовавшись свалкой, некоторые из «гранфинас», выражаясь иносказательно, «не растерялись». В итоге было украдено больше двадцати ценных меховых палантинов и манто, взамен которых оказались оставленными почти ничего не стоящие вещи. В суматохе стащили фуражку и шпагу у самого президента — генерала Дутра, головной убор у начальника его военной канцелярии — генерала Алсио Соуто, а у румынского экс-короля Кароля сорвали с груди колодку с орденами...

На другой день в газетах Рио де Жанейро появилось «коммюнике» министерства иностранных дел, многозначительно озаглавленное: «Призыв к сеньорам, которые были на балу во дворце президента». В этом «коммюнике» министерство иностранных дел призывало всех тех дам, какие «по ошибке» унесли чужие меха и манто, «во избежание неприятностей немедленно вернуть замененные меха их законным владельцам», и предупреждало, что «все равно эти меха нельзя будет ни носить, ни продать, так как их приметы известны полиции». Призыв, однако, не подействовал. Меха остались невозвращенными, а генералу Дутра пришлось обзавестись новой фуражкой и шпагой.

Такова живая картинка быта и нравов правящей верхушки Бразилии, отражающая, как в зеркале, всю глубину нравственного падения капиталистического общества с его лже-культурностью и лжецивилизованностью.

Из иностранной печати

Лакеи

В свое время Гитлер посылал своим сателлитам пароходы, нагруженные перочинными ножами. Подобно этому Америка Трумэна отправила во Францию «поезд дружбы» (!), наполненный жевательной резиной, носками и шпильками для волос.

Посол Франции в Вашингтоне Анри Боннэ понимает, что французский народ не позволит обращаться с ним так же, как англо-саксонские колонизаторы обращаются с африканским и полинезийскими народами. Поэтому, как сообщает газета «Се суар», он направил Жоржу Бидо телеграмму, в которой посоветовал ему как следует принимать подарки дяди Сэма.

«Необходимо тщательно подготовить прием и распределение подарков, предварительно широко оповестив народ. Если это мероприятие, которое единодушно рассматривается, как исходящее от народа США (!), пройдет во Франции незамеченным, то нет сомнения, что здесь будут разочарованы, и это повлечет за собой, возможно, весьма крупные неприятности...

Французской прессе придется сыграть особенно активную роль в приеме этих посылок. Необходимо, чтобы благодарность французского народа выражалась путем коллективных или частных писем учеников наших школ».

«Американская партия» действительно имеет в своем распоряжении дипломатов, которых она заслуживает, — лакеев!

Я. ФРИД

Мысль передовой Франции

Уже самое название французского журнала «Пансе» («Pensée» — «Мысль») — программно: оно как бы является символом борьбы передовой идеологии с философствующими мракобесами и писателями-декадентами, об'явившими «крестовый поход» против разума, мысли.

Платформа «Пансе»: в политике — защита демократии, прав народа, об'единение широких кругов демократической интеллигенции на основе политического курса коммунистической партии; в области философии, культуры, эстетики — гуманизм, разработка теоретических проблем на базе диалектического материализма, борьба с реакционной идеологией. В годы Сопротивления в коммунистическую партию вступили все (или — почти все) члены редакционной коллегии «Пансе»: и основатель журнала профессор П. Ланжевен (умерший в 1946 году), и крупные ученые Ж. Жолио-Кюри и М. Пренан, и доктор А. Валлон, и известный архитектор и искусствовед Ф. Журден.

Яркие страницы журнала посвящены памяти героев Сопротивления, павших в борьбе с оккупантами. С огромным волнением читаешь биографии этих людей, а также речи Арагона, Ж. Коньо, П. Элюара, посвященные памяти героев-коммунистов, замученных фашистами: писателя Жака Декура, редактора журнала «Коммюн» и основателя органа Сопротивления «Леттр франсэз»; философа-марксиста Жоржа Политцера; доктора физических наук Жака Соломона; архитектора Жака Вог, инженеров Ренель, Фурнье, Понтремоли. Эти люди — талантливейшие творцы передовой французской культуры — неутомимо, отважно боролись с оккупантами; они смело смотрели в глаза нацистам-палачам, ни слова не произнесли под пытками.

Вот отрывок из услышанного в нацистской тюрьме студентом-антифашистом Пьером Дэкс рассказа Жоржа Политцера о его допросе фашистами:

«Они спросили меня — знаю ли я о наличии террористической деятельности во Франции. Я ответил им, что невозможно о ней не знать...

— Но в таком случае вам должны быть известны имена руководителей?..

— Конечно. Два самых главных террориста, действующих во Франции, — это генерал Штюльпнагель и маршал Петэн».

Эта деталь героической биографии французского коммуниста, этот пронизанный великим драматизмом отрывок из эпопеи Сопротивления звучит чрезвычайно актуально в наши дни, когда литературные закройщики, подобные Сартру, чуждые народу писатели мобилизуют декадентский, садистски-искусственный псевдопсихологизм для того, чтобы загрязнить облик борцов Сопротивления, принизить тех людей, чьи соратники и сейчас борются с реакцией. Франция богата настоящими людьми. О них вдохновенно рассказал Арагон в книге «Коммунистический человек», о них рассказал Жан Лафит в книге «Живые борются»— лучшей книге о борцах Сопротивления. Как близки эти биографии, эти воспоминания — мужественной патетике, одухотворенности «Слова перед казнью» чешского коммуниста Юлиуса Фучика! Эти рассказы о жизни и смерти героев Сопротивления подсказывают верный тон тем писателям Запада, чья задача — изображение настоящих людей, положительных героев. Эти рассказы показывают, каковы тенденции **формирующегося стиля передовой литературы Запада:** реализм и одновременно — героика, активный романтизм; стиль, родственный социалистическому реализму.

Мало еще таких сильных произведений, но тем более ясно, что передовая литература во Франции будет в ближайшее время создавать много книг, рассказывающих об этих людях — в жанрах биографии, мемуаров, очерка. Тогда правда истории заглушит, отбросит в небытие ядовитую ложь, распространяемую декадентскими литераторами. Укрепить веру в человека, в силы лучших людей, в силы защитников подлинной демократии — вот основная задача передовой литературы Запада.

Редакция «Пансе» вполне осознает важность этой задачи. Поэтому она и посвятила почти полностью книжку журнала (№ 12, 1947 г.) памяти покойного П. Ланжевена — большого ученого, гуманиста, борца. Поэтому в номере, посвященном памяти Жана Ришара Блока (№ 14, 1947 г.), напечатана речь писателя, произнесенная им в марте 1940 г. в защиту коммунистов, которых тогда привлекло к суду правительство предателя Даладье. Поэтому Ренэ Моблан в статье «Ромэн Роллан и мы» обратился к теме о судьбах интеллигенции и о партийности. Р. Моблан напоминает о том, что иллюзии о необходимости оберегать «свободу своей мысли» мешают многим интеллигентам подняться до высшей сознательности. В то же время, — пишет Р. Моблан, — мы видим, что такие творцы культуры, как Ланжевен, Жолио-Кюри, Валлон, Ф. Журден, поняли в годы оккупации вслед за М. Пренаном и другими учеными, что, только вступив в коммунистическую партию, они могут вполне освободить и развить свои творческие силы, «нисколько не отрекаясь от своей духовной независимости».

Можно указать много образцов серьезной, талантливой, оперативной борьбы «Пансе» с реакционной, антинародной политикой, с реакционной идеологией — служанкой монополистического капитала, империализма. «Единство практики и теории» — таков девиз «Пансе». Жорж Коньо (редактор «Юманите» и один из редакторов «Пансе») верен этому девизу, когда он в своей большой серьезной работе о Прудоне обнажает связь прудонизма с буржуазной реакционной идеологией нашего времени.

Талантливый философ-марксист Анри Мужен (умерший в прошлом году — его здоровье было вконец подорвано в фашистском концлагере) опубликовал большую работу «Краткая история экзистенсиализма» (в отдельном издании вышедшую недавно под названием «Святое экзистенсиалистское семейство»). Это — серьезная критическая работа о метафизике Сартра. А. Мужен разоблачает внутреннюю противоречивость, лживость, реакционность метафизики Сартра и ее полную зависимость от немецкой идеалистической философии. Жан Баби проанализировал реакционные высказывания поэта П. Валери об истории: мечтая о том, чтобы революционное прошлое Франции было предано забвению, Валери утверждал, что история — «псевдонаука», вредная демагогия, «опаснейший продукт, перерабатываемый химией мозга». Жан Ларнак опубликовал серьезную и вместе с тем памфлетно написанную статью о П. Валери, в которой творчество Валери, стиль его мышления точно охарактеризованы, как продукт бытия паразитирующей буржуазии периода упадка капитализма.

В докладе на X с'езде французской коммунистической партии в 1945 году Морис Торез сказал, что невозможно воссоздать величие Франции, не сделав огромного усилия для морального и интеллектуального возрождения. В своем докладе на XI с'езде коммунистической партии в 1947 году Торез сказал: «Финансовая олигархия может сохранять свое господство, **лишь развращая сознание, обрекая его на бессилие, проповедуя индивидуализм и интеллектуальную анархию».**

Обе эти формулировки тесно связаны одна с другой.

Для того, чтобы повести Францию по пути демократического развития, силы демократии, закаленные в огне Сопротивления, стремятся не только политически разгромить лагерь реакции, но и решительно бороться с декадентским аморализмом, с интеллектуальным распадом.

Осознанной необходимостью нового демократического морального и интеллектуального возрождения об'ясняется предпринятое передовой французской интеллигенцией создание «Энциклопедии французского Возрождения», стремящейся продолжить традиции французского энциклопедизма, но на новой основе подлинно научной теории — диалектического материализма. Таковы и устремления «Пансе» — теоретического журнала, в круг интересов которого входят все отрасли знания, литература и искусство. Но, стремясь охватить все стороны знания — от физики и астрономии до биологии, медицины, педагогики — «Пансе» не всегда сочетает всесторонность тематическую с глубоким, конкретным анализом. В некоторых статьях проявляется об'ективизм, «академическая» описательность. Это отразилось и на философском и литературно-критическом отделах; отдельные статьи и рецензии не актуальны, информационны, ослаблены недостаточно ясным и отчетливым отношением автора к тому, о чем он пишет, и не лишены серьезных ошибок. Например, статьи А. Корню «Марксизм и идеология», «Карл Маркс и современная мысль» написаны об'ективистски, абстрактны. Из них совершенно выпала борьба между материализмом и идеализмом в философии. История философии представляется автору неким «единым потоком» развития философской мысли и ее постепенной «трансформацией». История философии рассматривается автором в отрыве от классовой борьбы, на фоне абстрактной схемы исторических событий.

В литературных обзорах, принадлежащих перу Ж. Ларнака, серьезный анализ зачастую заменен типичным для французских журналов неглубоким «ироническим конферансом».

Ларнак в рецензии о «Матери» Горького утверждает, что в этом произведении «реализм уступил место морализму», очевидно, неясно понимая сущность романтического начала в социалистическом реализме. А без этого понимания передовая французская литература будет вслепую искать путь к реалистически-героическому стилю, подсказываемому этой литературе самой жизнью — стилем жизни героев Сопротивления. О сущности социалистического реализма не раз интересно и верно писал и говорил Арагон; но, повидимому, не всем передовым литераторам Франции понятно, в чем именно принципиальное отличие социалистического реализма от критического реализма, от буржуазного, реакционного романтизма, от морализующей литературы прошлого.

* * *

«Пансе»—трибуна людей, которые знают, что Сопротивление, борьба за независимость и честь французского народа, и теперь продолжается — в новых условиях, в новой форме. «Пансе» — трибуна людей, которые верят в человека, верят в будущее родины и неустанно напоминают французской интеллигенции о том, что только предатели, стремящиеся привести Францию к фашистской диктатуре и бросить французский народ к ногам американских монополий, — только лакеи доллара призывают забыть о трагическом и героическом прошлом, об опыте Сопротивления, о том, что Франция была освобождена благодаря героизму советского народа и Советской Армии.

М. РУДЕНКО

НАША МОЛОДЕЖЬ

Украинская писательская молодежь, вместе со старшими передовыми писателями, стремится сделать основой своего творчества нашу яркую советскую действительность. Примером реалистического подхода к изображению действительности нам служит творчество лучших украинских писателей—А. Корнейчука, П. Тычины, М. Бажана, Л. Первомайского, произведения лучших русских советских писателей.

Еще никогда не следила так пристально украинская писательская молодежь за процессами литературного развития, происходящими в русской литературе! Еще никогда творчество русских писателей не воспринималось с таких близких позиций, с таким чувством родства, кровной заинтересованности.

Украинские писатели, как и писатели других республик Советского Союза, в своих произведениях решают проблему новых человеческих отношений. Центральный конфликт классической западной и русской литературы XIX века—противоречие между положительным героем и обществом—не существует в стране социализма.

Наша литература повествует о борьбе нового и старого, о борьбе между новым миропониманием и пережитками старого в сознании людей.

Правдивое отображение в литературе реальной жизненной борьбы требует от писателя тесной связи с действительностью, глубокого проникновения в сущность событий, умения отделить новое от старого.

Это понимают многие молодые писатели Украины. Поэты Киева Наум Тихий, Александр Пидсуха, Степан Олейник, Петр Иванов, Дмитро Белоус стремятся отразить в своих стихах характер нового советского человека, человека с большим кругозором, с богатым внутренним миром и вместе с тем показать, что мешает иной раз формированию подобного героя.

Поисками нового отмечено и творчество молодых драматургов Украины. Пьеса «У порога» Н. Дубова заслуживает в этом отношении особенного внимания. Молодой автор попытался показать, как в наши дни решается вопрос о взаимоотношениях творческой индивидуальности и коллектива, как после внутренней борьбы молодой изобретатель изживает в себе остатки собственнического отношения к своему открытию. Эта пьеса получила третью премию на республиканском конкурсе на лучшую советскую пьесу.

Герой Советского Союза Г. Збанацкий в повести «Тайна соколиного бора» показывает наших детей, которых вырастили партия, комсомол, советская школа. Юные советские люди оказываются, именно благодаря советскому воспитанию, духовно более сильными, чем враги, пришедшие в их село.

Большой интерес представляют творческие поиски молодых юмористов Украины. Перед нашими юмористами встает трудная задача—показать положительного героя, труженика, не высмеивая его, и вместе с тем сохранить все черты любимого народом жанра. Черты такого юмора, юмора утверждающего, мы находим в произведениях В. Маяковского, А. Твардовского, А. Корнейчука и других советских писателей. Молодые писатели Украины продолжают развивать принципы нового юмора, созданные писателями старшего поколения; нередко они обращаются к юмористической народной форме. Степан Олейник в одном из стихотворений рассказывает о колхознике Калюжном, спешившем на собрание. Калюжный вышел из дома во-время, но, увидев, что ветер сорвал снопы с колхозной скирды, задержался, чтобы поправить скирду. Пошел дождь; среди двора стоял новый колхозный воз — хозяйственный колхозник закатил его под навес. Когда он подошел к ферме и увидел, что испуганные грозой телята разбежались по полю, Калюжный помог бабке Палашке загнать их в сарай. На собрание Калюжный попал, когда оно уже закончилось. Председатель предложил вынести ему выговор. Комическое недоразумение, однако, раз'яснилось к всеобщему удовлетворению.

В другом стихотворении С. Олейник очень весело рассказывает, как в колхозном клубе сорвался самодеятельный спектакль «Наталка Полтавка» по случаю выезда главного актера «пана Возного» на с'езд трактористов в Москву. Юмор С. Олейника — теплый, лиричный — силен чувством времени.

Новые для украинской сатирической литературы черты мы находим и в творчестве молодого талантливого поэта Д. Белоуса. Д. Белоус смело берется за международные темы, творчески осваивая лучшие традиции русской революционной сатиры.

Украинская литература пополняется новыми молодыми писателями. С каждым днем возрастает их интерес к литературе народов братских республик. Крепнут связи, увеличивается число друзей среди молодых писателей братских народов.

В февральской книге журнала «Дніпро» печатается повесть молодого белорусского писателя В. Кравченко «Ригор Шибаев». Заканчивает для журнала работу над повестью о молодых хлопководах Таджикистана молодой сталинабадский писатель Н. Печерский. Готовятся к печати переводы лучших произведений молодых поэтов Москвы, Ленинграда, Литвы, Латвии, Эстонии и других республик.

Писательская молодежь Украины с радостью приняла приглашение молодых писателей Армении посетить Ереван. В апреле этого года делегация украинцев собирается в солнечную Армению, армянские писатели навестят Украину.

Огромное подспорье в работе редакции журнала «Дніпро»—литературное об'единение, созданное при журнале по решению ЦК КП(б)У. Об'единение имеет свои студии при Киевском университете, при пединституте, партшколе, на заводе «Ленинская кузница» и других предприятиях. Уже первые занятия литоб'единения показали, что среди молодежи, интересующейся литературой, есть одаренные люди. Стихи инженеров завода «Ленинская кузница» Аркадия Рыбалина и Нины Забашты, инженера-строителя поселка «Сырец» Евгения Кривенко и работника железнодорожного транспорта Глеба Ильяшевича написаны с подлинным вдохновением.

К сожалению, писатели старшего поколения не всегда правильно понимают значение творческой помощи молодым.

Талантливый поэт Леонид Лобанов потерял на фронте зрение. Его первая книга «Свет» вышла в издательстве «Радяньский письменник» в 1947 году. Стихи Лобанова проникнуты горячей любовью к Родине, искренним оптимизмом, верой в творческие силы человека. Однако редактор книги поэт Яков Городской мало поработал с автором, и в сборник вместе с хорошими стихами попали и неудачные, слабые вещи. Безответственное отношение к отбору произведений молодых литераторов, к сожалению, не редкость. Бывает, что и сами молодые писатели оказываются недостаточно требовательными к себе. Талантливый львовский прозаик В. Бабляк, достигший в некоторых рассказах заметных творческих успехов, очень часто оказывается в плену грубого биологизма; он обедняет душевный мир своих героев и обедняет действительность, в которой они живут. С недостаточным вниманием работают над своими произведениями поэты А. Бродский и А. Золотушкин, впадающие иногда в примитивизм и сентиментальность.

Перед Союзом советских писателей Украины стоит огромная задача воспитания литературной молодежи. Успехи молодых писателей Украины знаменуют собою дальнейший под'ем всей украинской литературы.

Хотелось бы, чтобы московские издательства, а также редакции литературных журналов больше интересовались творчеством молодых писателей Украины и знакомили широкие читательские массы нашей страны с лучшими их произведениями.

Обложка книги Петраса Цвирки «Избранные произведения», вышедшей в Гослитиздате (Москва).

Титульный лист поэмы Саломеи Нерис «Ель—королева ужей» (худ. Кузминскас). Книга выпущена Гослитиздатом Литовской ССР (Каунас).

В. МИКОЛАЙТИС-ПУТИНАС

Дни декады

Первая декада литовской литературы в Москве оставит в моей памяти неизгладимое впечатление. Все мы, участники декады, были глубоко тронуты сердечно-дружеским приемом, — нас, как родных, встретили русские писатели, представители печати.

Дни декады дали мне возможность в первый раз познакомиться с величавой столицей моего государства. Новая Москва поражает своими масштабами. Она — родной дом народов СССР. Исторические стены Кремля, кремлевские башни возбуждают глубокие чувства удивления и преклонения пред многовековым историческим прошлым города. Впечатление усиливается сознанием того, что здесь, в Кремле, работает великий вождь народов товарищ Сталин.

Вечера нашей декады в Колонном зале, в Доме актера, в клубе Трехгорной мануфактуры, в Военно-политической академии имени В. И. Ленина, во Дворце культуры рабочих Московского машиностроительного завода всегда проходили в дружеской, роднящей атмосфере.

Принятые очень тепло трудящимися Трехгорной мануфактуры, мы имели великую честь выступать в зале с той же самой трибуны, с которой некогда говорил Ленин. Мои товарищи уходили из этого зала, унося с собой новые волнующие темы для стихотворений.

Выступая в Московском университете, мы вспоминали, что и нам, литовцам, близко это чудесное творение Матвея Казакова. Здесь обучались многие из литовских писателей и общественных деятелей XIX века. Здесь они находили дружескую помощь в борьбе за свои права против царского правительства. Литовский студенческий кружок в стенах Московского университета получал запрещенные литовские газеты на имя профессора Ф. Фортунатова — учителя русских лингвистов, А. Шахматова, Д. Ушакова, А. Пешковского и крупнейшего нашего филолога Йонаса Яблонскиса. В этих стенах молодые литовские писатели думали о тех днях, когда не католические святцы и не «милорда глупого», а подлинную поэзию, кровью связанную с народом, они смогут, наконец, понести в тихие деревушки Литвы.

В первые дни декады мы встретились с руководителями издательства «Советский писатель» и Гослитиздата и обсудили там некоторые вопросы нашего будущего сотрудничества.

В московских издательствах мы знакомились с готовыми книгами, версткой, гранками. Нас удивил размах издательской работы, огромные тиражи книг, любовно-художественное их оформление. Прекрасно изданные переводы литовской литературы являются подлинным достижением и доказательством чуткого внимания московских издательств к нашей литературе. Чудесно оформленные книги рассказов Жемайте, Петраса Цвирки, антология литовской поэзии раскрыли нам, какие возможности открываются перед литовскими писателями. Наши книги соприкоснутся с широкими кругами русских читателей и через русские переводы сблизят нас со всеми народами СССР.

В Москве мы особенно почувствовали, как наша литовская литература сходит со старых рубежей. Во встречах с массовым культурным читателем многие из нас поняли, как еще недостаточны наши стилистические приемы, как много в них осталось еще от старой поэзии. В Москве мы почувствовали, что надо крепче бить по эгоцентрической, индивидуалистической лирике, нужно решительнее бороться с остатками эстетства, упадочничества, беспредметного пессимизма. Мы поняли, что стареет в нашей тематике, что устарело в нашем стихосложении, в эмоциональной окраске стиха, поняли также, как необходимо для поэта проверять свои чувства и впечатления в живом общении с читателем.

Нас окружала вдохновляющая атмосфера братского внимания, которая помогла нам не только в совершенно новом свете увидеть, что мы сделали, но и то, что должна делать литовская литература для народа.

Убежден, что такие декады ускоряют процесс созревания литератур. С бодрым, радостным настроением, вдохновленные на поэтический труд во имя Родины, мы уезжаем из родной нашей Москвы. До свидания, Москва! Мы не расстаемся. Ты всегда будешь в наших песнях и стихах, дорогая наша столица!

А. ВЕНЦЛОВА

Песня у костра

Был туман беспросветен надиво,
Будто залило мир молоком, —
Лишь в упор мы горбатые ивы
Различали, спеша большаком;
И напевом осенней печали
Провода телеграфа звучали.

Так мы ехали по Жемайтии,
Под дождем, по дорогам войны.
Осень. Тучи, водой налитые.
И по-ротно, во тьме не видны,
По грязи, много суток не спавши,
Грозно движутся воины наши.

Притушившие фары машины
В темноте тормозами визжат,
Танки в глину вжимают фашины,
Кони, люди — в кювете лежат
Под листвой облетающей рощи...
Нет, я смерти не видывал проще!

Ветер в сучьях обломанных резче,
Злее воет, и дождик стучит,
И на западе темном зловеще
Полыхают пожары в ночи.
Вот к усадьбе свернула дорога,
Видим дом и костер у порога.

Это взвод на пути отдыхает,
Пехотинцы расселись дугой,
И один на гармони играет,
Хмуро смотрит на пламя другой,
Третий грубые греет ладони,
Подпевая негромко гармони.

И вступают в мелодию вместе
Голоса усачей матерых,
У костра предложили нам место
Пехотинцы в шинелях сырых...
И сидели мы так до рассвета,
И не раз была песня пропета.

Нам напомнила песня простая
Все, что было от нас далеко,
Словно звон колокольчиков, тая,
Лился тихий напев «Сулико».
Он родился на юге далеко,
Среди яблонь, лимонов и дрока.

Смерк костер, в звучанием ладным
Эхо песни затихло вдали.
Ранним утром, сырым и прохладным,
Мы с друзьями беседу вели...
В Жемайтии, в рассветную пору,
Смолкла песня, как ропоты бора.

— Познакомимся! Я — Мосашвили, —
Стройный юноша проговорил, —
Вот грузины Литву посетили,
То-есть, вас — я, грузин, посетил.
Победим — приезжайте в Тбилиси...
Ну, ребята,—пора! Поднялися!—

И на запад ушли по дороге,
Помахали мы им издали.
. . . .
Я увидел Кавказа отроги
И Казбек в серебристой пыли, —
Письменами забытых столетий
Встали горы любимые эти.

Все, что грелись костром полуночным,
О, товарищи, живы ли вы?
Пахнут пажити медом цветочным
От Кавказа до самой Литвы;
Мир свободы, мир солнца и мая, —
За тебя я бокал поднимаю!

Гость Кавказа, кричу ему: «Здравствуй!»
Слышу снова напев «Сулико»,
Над рекой, над сиренью вихрастой,
В синеве — журавли высоко...
Вот литовцы твой край полюбили
Так, как любишь ты сам, Мосашвили!

Там, где Балтика плещет сурово,
Вырос я, ты — родился в горах;
Не забыть нам костра путевого,
Жемайтии истоптанный шлях.
Нашей дружбе нельзя заблудиться,
Ей — костром полыхать и светиться!

Перевел с литовского
Павел ШУБИН.

А. РАШКОВСКАЯ

Живое чувство современности

«Весна» — первая книга молодого ленинградского прозаика С. Антонова. Несмотря на неровность писательского почерка, на срывы еще не окрепшего голоса, книга радует свежим восприятием мира, верным чувством жизни и современности.

Сборник открывается рассказом «Весна».

Повествование сразу привлекает читателя светлым и ясным колоритом, поэтическим воспроизведением трудовой жизни советских людей. Послевоенная весна. Возвращаются из армии бойцы. Повзрослевший, возмужавший деревенский парень, до войны славившийся озорством, становится председателем колхоза. Его напористость, деловитость, размах поднимают людей на страстную и напряженную борьбу за урожай.

Девушка Нюша, от лица которой ведется рассказ, любит Василия. Это чувство окрыляет, обогащает ее, заставляет по-новому, с особой требовательностью относиться к своим поступкам, к своему труду.

Мир показан в «Весне» только глазами Нюши, и тем не менее дела и дни колхозного крестьянства раскрыты в этом небольшом произведении очень наглядно и поэтично.

Всматриваясь в жизнь, Антонов видит и зарисовывает новые отношения между людьми, типичные для советской действительности. Он хорошо знает своих однополчан, своих сверстников, девушек-одногодок. Его занимают живые приметы людей, их характеры.

Интересен в этом отношении рассказ «Знакомый». Сюжет его крайне несложен. Рано утром в деревню пришел незнакомый военный. Девушка Тоня узнает незнакомца. Это его, раненого, два года тому назад она тащила на себе, укрыла от немцев, спасла. Офицер не узнает ее, а Тоня не рассказывает, что «та девушка» это она и есть, хотя признание томит ее целый день. Все время на первом плане веселая, бойкая, горячая Женька — подруга Тони, привлекшая своим искрометным пылом внимание Леонида. Офицеру начинает казаться, что его спасительница именно Женька. Застенчивости, житейской робости Тони как будто противопоставлено задорное молодечество «ничего не свершившей» Женьки. Но автор не следует по установленным сюжетным ходам: тема «соперниц» — мнимая, Женька вовсе не противопоставлена Тоне. Здесь нет отрицательной и положительной героини. И та и другая — настоящие советские девушки, только с разными характерами. Этот этюд о характерах хорошо и своеобразно раскрывает моральные качества наших людей. «Весна» и «Знакомый» — рассказы, определяющие облик сборника.

Интересен рассказ «На пути к счастью», однако, традиционный конфликт долга и чувства, лежащий в основе сюжета, придает повествованию черты нарочитой литературности и искусственности. В начале войны, будучи в окружении, герой рассказа встретил и полюбил девушку. Молодым людям грозит разлука: Сергей получает приказ выйти из окружения и установить связь со штабом. Боясь этой разлуки, Ася уговаривает легко раненного Сергея сослаться на рану и не итти. После недолгой внутренней борьбы он соглашается.

В ту же ночь немцы ринулись на наши окруженные части. Начался страшный бой. По ходу боя Сергей понимает, что посланный вместо него не дошел. «Наверно, не дошел. Наверно, убили. А я бы дошел... И чувство глубокого стыда и угрызения совести овладело мною...»

Прошло три года. Кончилась война. Однажды в глухом селе, куда героя на часдругой забросила вынужденная посадка самолета, он случайно встречает Асю. Но теперь она не удерживает любимого. «Иди, — говорит Ася. — Я была виновата тогда. Я тогда тебя не пустила делать наше счастье. Иди!» И он уезжает. Он вернется через год, вернется, исполнив свой долг.

Автор утверждает, что его герои хорошо поняли, что кривые, узенькие тропки не ведут к счастью. Однако этот правильный вывод делает за своих героев сам автор. Вложенные в уста Аси слова («Я тогда тебя не пустила делать наше счастье!») звучат резонерски, искусственно, с излишней наглядностью «раз'ясняя» предположительно непонятливому читателю идею рассказа. Логика художественных образов не подтверждает авторского замысла, так как характер героев, их душевный мир, особенности сознания советского человека никак здесь не раскрыты, поступки не мотивированы. Персонажи действуют словно вне времени, приметы эпохи — внешние. Сюжет рассказа на первый взгляд драматичнее, чем в «Весне» и «Знакомом», но этот драматизм идет от литературных традиций, а не от жизни.

И везде, где Антонов идет от традиционных литературных схем, его постигает неудача.

В рассказе «Главная красота» вернувшийся с фронта Григорий знакомится с девушкой Валей, которая ему нравится. И в то же время он находит ее легкомысленной, отворачивается от нее. Внимание Григория привлекает строящийся дом, мимо которого он часто проходит. Наблюдая за высокими показателями неизвестной ему девушки-строительницы, он все более восхищается ею и, наконец, чувствует себя влюбленным. Неизвестная строительница, конечно же, оказывается отвергнутой Валей. Эта шаблонная и в высшей степени искусственная ситуация не дает возможности автору раскрыть живые черты своих героев. Не жизнь, а инерция многократно использованных схем породила этот слабый рассказ. Впечатление литературной условности остается и от рассказа «Перед от'ездом».

Рассказы С. Антонова неравноценны. Начиная читать «Весну», ждешь от автора, от книжки большего, чем дано в других рассказах сборника. Молодому писателю еще предстоит путь «овладения профессией». Его зоркий глаз, живой дар рассказчика несомненны. Хотелось бы, чтобы поиски и работа начинающего писателя шли в направлении еще более близкого соприкосновения с трудовыми буднями народа, с жизнью страны.

С. Антонов. «Весна». Рассказы. Лениздат, 1947 год, 130 стр.

Суеверие поэтической формы

Небольшой сборник молодых поэтов Смоленска «Молодые голоса» состоит из пятидесяти стихотворений. Здесь представлено двадцать поэтов, в большинстве совсем еще неопытные, «неоперившиеся». Привлекательны искренность и серьезность почти всего вошедшего в небольшой сборник материала; здесь нет сочинительства.

Есть хорошее чувство и хорошая слаженность в заключительной строфе стихотворения Петра Сумника:

Смолк орудий гром. Растаял дым.
Солнце светит ласково опять.
То, что мы в поту сейчас творим,
Пуще глаза надо охранять.
Разве мы забыли о войне,
О пожарах на родной земле?
Разве не дороже нам вдвойне
Дом, который вырос на золе?

Удачно стихотворение А. Кудрина «Весна». Есть хорошие строки в «Рубеже» И. Рыжикова.

Но вот стихотворение И. Логинова «Возвращение»:

Здесь и юность моя золотая
прошла без возврата
У вишневых садов
под напевы певца-соловья,
Где до утренних зорь
под гармонику пели девчата,
И в тени под ракитой
писал я стихи у ручья.

Было, вероятно, и за этими строчками искреннее чувство, но до читателя оно не дойдет. В такую стертую пропись не может войти ни малейший (пусть даже неловкий и неумелый) намек на особые личные черты реальной биографии. А в поэзии все должно быть наполнено реальным, жизненным опытом, чувством, мыслью.

Александр Васильев обращается к Пелагее Гришечкиной:

Ты в труде вдохновенном так боролась за лен,
Что узнала вся область наш льноводный район.
Волокна золотого самых высших сортов
Ты собрала с гектара сорок восемь пудов.
И великая слава про такие дела,
Про такие успехи до столицы дошла.

Этим, собственно, и исчерпывается то, что мы можем узнать из этого стихотворения о Пелагее Гришечкиной. По реальному содержанию стихотворение это эквивалентно поверхностной газетной заметке. Здесь нет подлинного проникновения в образ человека.

Скажут: на то есть прозаики, есть очеркисты—к ним и обращайтесь. А здесь — поэты.

Вот тут-то мы и сталкиваемся с очень широко распространенным—не только среди молодых авторов—предрассудком. Существует «суеверие поэтической формы»; думают, что если какое-то содержание выражено стихами, то оно не обязательно должно быть новым. Как будто стихи, как таковые, сами себя окупают, хотя бы в них и не сообщалось какое-то новое знание о людях. Тем поэтам, которые так относятся к своему искусству, грозит серьезная опасность—потерять читателя.

Если бы А. Васильев написал очерк о Гришечкиной, то он, наверное, был бы интереснее, чем помещенные в сборнике стихи того же автора. Почему бы молодому поэту не испытать себя на такой работе и не сверить ее итоги с тем, что получилось в стихах? Не станет ли тогда и работа над стихом более плодотворной?

Смоленский сборник заслуживает внимания, как опыт. Но если спросить: должны ли другие областные издательства в точности следовать примеру смолян, ответ вряд ли будет утвердительным. Для авторов участие в сборнике полезно, но ведь нужно заботиться не только о них, а и о читателях. А читательский круг, на который может рассчитывать такой сборник,—узкий: преимущественно, все-таки, те, кто сам пишет стихи, и те, кто пишет об этих стихах.

В. АЛЕКСАНДРОВ

«Молодые голоса». Смоленское областное государственное издательство, 1948, 63 стр.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

Литовская новелла

С литовской поэзией советские читатели уже знакомы по многочисленным переводам, чего нельзя сказать о литовской прозе. А между тем литовская проза существует уже десятки лет; в советские годы она обнаруживает признаки заметного идейно-художественного роста и оживления, хотя, по словам Ю. Балтушиса, и остается еще «наиболее слабым местом в литовской советской литературе». Недавно вышедшие на русском языке «Литовские новеллы» знакомят нас с двадцатью тремя литовскими прозаиками, в большинстве — современными.

Сборник открывается рассказами популярной народной писательницы Ю. Жемайте (1845—1921 гг.) и заканчивается рассказами недавно умершего талантливого писателя Петраса Цвирки. Жемайте и Цвирка уже представлены довольно полно на русском языке отдельными книгами избранных рассказов. Но все остальные авторы появляются в русских переводах впервые.

Первые новеллы сборника — «Дети» Жемайте, «Слезы дурочек» Вайжгантаса— относятся к 80-м годам прошлого века и повествуют о беспросветной нужде и бесправии литовских крестьян. По силе скорби, вложенной в них, эти повести о несчастных детях, батрачащих с четырехлетнего возраста, о нищете и темноте литовских земледельцев, несущих тройное ярмо гнета — своих богатеев, польских панов, ксендзов и царского самодержавия, можно сравнить только с рассказами Решетникова и Слепцова. Страшный быт литовской деревни раскрывается в этих рассказах. Особенно тяжелой была судьба женщин и детей.

Венуолис — один из самых популярных современных литовских писателей— свою литературную деятельность начал в 1905 году в Тбилиси, где он был арестован за участие в революционном движении. В повести «Утопленница» старый, использованный еще Карамзиным сюжет о покинутой крестьянской девушке, бросившейся в озеро, Венуолис облек в живые реалистические подробности. Повесть написана правдиво и просто и дает яркую картину тяжелого положения женщины в кулацкой крестьянской среде с мрачным семейным укладом и неограниченным влиянием ксендзов. Повесть Венуолиса заслуженно пользуется широкой известностью и переведена на многие языки.

Крупный современный литовский поэт и прозаик Миколайтис-Путинас представлен небольшим отрывком из его нашумевшего романа «В тени алтарей», вышедшего еще в 1933 году. Этот роман характерен для антиклерикального направления в прогрессивной литовской литературе. Отрывок, помещенный в сборнике, носит название «Ксендзы» и рассказывает о том, как молодой, еще не искушенный во всех тонкостях католической политики ксендз становится свидетелем палочной расправы старого прожженного ксендза с прихожанами, недовольными его мошенническими проделками в сельском кооперативе.

Очень живо, с большой наблюдательностью, теплотой и юмором написан рассказ Антанаса Венцлова «Встреча» — колоритная картина нищенски убогой жизни сельского учителя, загнанного за радикализм в самую глухую деревню. Известный нам как поэт, Антанас Венцлова здесь показывает себя наблюдательным и тонким прозаиком.

В рассказе В. Жилиониса «Пала роса» раскрывается «власть тьмы» в жизни старой деревни. В погоне за имуществом крестьянин пытается убить престарелого отца своей жены. В этом же плане написана новелла Ю. Грушаса «Краше солнца», где артель дровосеков толкает на верную смерть самого слабого из своих товарищей.

Все эти вещи нельзя читать без боли, без сострадания и гнева.

Первый рассказ, который приносит читателю чувство облегчения и удовлетворения, — «Лучший день жизни» А. Гудайтиса-Гузявичюса,—посвящен возмездию народа, обрушившегося на его угнетателей. Глубоко волнует новелла А. Магинскаса «Письмо из СССР», напоминающая о том времени, когда одна мысль о существовании Советского Союза будила надежды трудящихся Литвы на осуществление справедливости.

Рассказы литовских писателей о Великой Отечественной войне особенно интересны для нас. В них радует впервые ясно выраженная в литовской литературе мысль о дружбе народов. «Звезда» И. Марцинкевичюса наиболее выразительна среди новелл этого цикла.

И. Марцинкевичюс начал писать в тюрьме, где он отбывал 10-летнюю каторгу за революционную деятельность. Он — автор нескольких романов, один из лучших прозаиков нового поколения литовских писателей. «Звезда» рассказывает о скрепленной кровью дружбе казаха, русского, еврея и литовца.

Шимкус, так же как и Венцлова, не только поэт, но и прозаик, автор небольшого сборника рассказов. В рассказе «Четверо на берегу» он живо и правдиво повествует о том, как партизаны спасают крестьян от жестокой расправы немцев.

О новой литовской деревне при советском строе повествует Ю. Балтушис. В рассказе «Ломоть хлеба» он показывает, как в процессе ожесточенной классовой борьбы перерождается прежде запуганный, темный литовский крестьянин.

Наиболее молодые авторы сборника — Корсакене и Довидайтис в своих произведениях говорят о становлении социалистической Литвы, о ее новых людях. «Гиблый город» Ионаса Довидайтиса резко подчеркивает контраст между жизнью литовской буржуазии и трудящихся Литвы перед установлением советской власти. Герой рассказа, участник Отечественной войны, мечтает о новой прекрасной жизни Литвы, «которая уже ничем не будет напоминать город Гиблый — позор мрачного прошлого».

Корсакене переводила на литовский язык Чехова, Горького, Серафимовича. В небольшом рассказе «Первая операция» она описывает городскую больницу перед приходом Красной Армии: отступающие немцы поджигают здание, старший врач бежит, младший пытается вывести больных и встречает Красную Армию, которая помогает спасти их.

В последних рассказах книги мы видим, как изживается вековая крестьянская забитость, как перерождается литовское крестьянство. В рассказах Цвирки показан старый батрак, который с гранатой в руках защищает полученную землю; деревенский кузнец, избранный депутатом в Верховный Совет.

Советские литовские прозаики не дали еще больших произведений о новой советской Литве, но они на верной дороге. Рассказы их, различные по своей значимости и художественности, написаны с желанием правдиво и честно изобразить великие события наших дней. В этом залог того, что в ближайшем будущем мы можем ждать новых интересных произведений литовской литературы.

«Литовские новеллы». «Советский писатель». Москва, 1948 г., 341 стр.

Плохая фантастика вместо науки

Л. КЛИМОВИЧ

Автор работы «Из предистории Руси (Палеоэтнографические этюды)» * С. П. Толстов—востоковед, исследования которого по древнему Хорезму представляют значительный научный интерес. Что касается «Палеоэтнографических этюдов», то ценность их для науки весьма сомнительна. Не считаясь с фактами, автор стремится представить далекое прошлое Юга нашей родины и смежных восточных стран как некую сложную систему могучих древних государств, взаимодействие и влияние которых на племена Севера будто бы обусловили культурный и политический облик позднейшей России. «Обосновывая» эту ложную концепцию, С. П. Толстов пытается возродить давно оставленные наукой взгляды, как, например, теории В. Стасова и Вс. Миллера о неоригинальности русского эпоса и его восточном происхождении.

«... в русском былинном эпосе, — пишет С. П. Толстов, — мы находим мощные пласты, восходящие к... сармато-аланским эпическим традициям. В этом отношении особенно важен образ Рустама, на русской почве отложившийся в образе сказочного богатыря Еруслана Лазаревича, сохранившего не только имя, но и отчество своего восточного собрата. С другой стороны, по линии сюжетной Рустамиада перекликается с комплексом былин, группирующихся вокруг центрального образа русского былинного эпоса — Ильи Муромца.

Эта связь, раскрытая в свое время Стасовым и Миллером, сейчас может быть обоснована еще более широко». (Подчеркнуто здесь и дальше мною. — Л. К.).

Как известно, В. Стасов и Вс. Миллер, считая, например, что былины об Илье Муромце полностью сходны с их источником — сказаниями об иранском богатыре Рустаме, старались доказать не только восточное происхождение наших былин, но и то, что русский былинный эпос ничего национально-самобытного не содержит, а является всего лишь неполным и отрывочным пересказом восточно-арийского эпоса, попавшего на Русь через посредство тюркских народов.

И вот С. П. Толстов считает, что эта реакционная теория Стасова и Миллера, пытавшихся опровергнуть оригинальность и своеобразие русского народного творчества, сейчас может быть обоснована еще более широко.

Ничего не изменяет в этом и следующая оговорка Толстова:

«Если для дискуссии времен выхода работ Стасова и Миллера вопрос стоял о том, является ли наш эпос заимствованным с Востока — из Индии и Ирана, как считал Стасов, или от тюрко-монгольских кочевников, как думал Потанин, или с Запада, как доказывали их противники, — то теперь стоит вопрос об общности истоков русского, иранского, среднеазиатского эпоса, восходящих к скифо-массагетской и сармато-аланской среде, одинаково участвовавшей в формировании нашего народа и братских народов нашего Востока».

Повторяя свои старые ошибки, С. П. Толстов совершенно произвольно образы русских богатырей Ильи Муромца и Еруслана Лазаревича об'являет не только «двойниками» восточного Рустама, но и «родными братьями» воинственного героя германского средневековья Сигурда-Зигфрида, мусульманского Али, христианских «святых», древнегреческого бога Персея, а также «близко родственными» библейскому Самсону, Гераклу и др.

Не ясно ли после этого, что разговоры о «доисторической общности» у Толстова только прикрывают старые теории заимствования буржуазных филологических школ? Толстов лишь создает видимость, будто главные источники заимствования он ищет не на Востоке или Западе, а на Юге.

Вслед за этим С. П. Толстов пытается доказать «равенство» Рустама с древнеиранским и древнеиндийским богом Митрой. А раз Илья Муромец и Рустам «двойники», то и Илья Муромец и другие русские богатыри уравниваются с Митрой да и к тому же восходят к Геродоту!

Итак, по Толстову, все ведет на Юг! Но этот «Юг», как видно из приложенной к статье Толстова схематической карты, помимо прикаспийских областей, охватывает Месопотамию, Иран, Афганистан, Западный Китай, значительную часть Тибета и Индии. Из рассуждений Толстова следует, что к этому «Югу» надо прибавить еще древние Иудею и Грецию. То-есть речь идет о тех же, прежде всего, иноземных территориях, где безуспешно пытались найти истоки русской культуры авторы старых теорий заимствования. Толстов лишь неуклюже пытается прикрыть захудалую ветошь новой маской. Но суть остается старой. Как и его предшественники, Толстов доходит до прямого издевательства над дорогими каждому русскому человеку национальными образами. Даже образ казака Ильи Муромца он об'являет не русским. Вспомнив «гипотезу» Миллера, хазарскими связями об'ясняющего появление библейского имени у Ильи Муромца, Толстов заявляет, что будто бы «в образе «старого казака Ильи Муромца» перед нами встанет герой юго-восточной степной «Хазарской» Руси, задолго до возвышения Киева несшей на себе тяжесть вековой борьбы с вторгшимися с востока ордами центральноазиатских кочевников, действительный прообраз героев будущего казачества XVI и следующих веков. И в эпитете «казак», прочно сросшемся с образом Ильи, мы не можем не видеть лишь видоизменение древнего имени «хазар» с тем же значением — «воин, охраняющий границы народа». Так что Илья Муромец, выходит, не «старый казак», а «старый хазар»! Между тем, общеизвестно, что Илья Муромец предстает в образе «старого казака» в былинах XVI—XVII вв., в эпоху смуты, когда казачество имело огромную политическую силу. Неужели не ясно, сколь нелепо об'являть Илью Муромца «хазаром»! Выдавать же хазар за «прообраз будущего казачества» — значит глумиться над славной историей русских казаков.

С. П. Толстов договаривается до того, что отказывает в творческом и оригинальном гению азербайджанской литературы Низами. В «Искандер-намэ» Низами говорит о битвах Искандера (Александра Македонского) с русскими. Этот рассказ отражает бытовавшие в Азербайджане воспоминания о походах русских на Каспий и в Азербайджан, а также сведения о Руси, известные в XII веке в Закавказье.

Но у С. П. Толстова на этот счет свое «особое» мнение. Он выдвигает «гипотезу», по которой «руссы в рассказе Низами поставлены на место народа, упомянутого в одном из ранних источников о походах Александра и носившего имя, звучащее близко к имени Рус... Это роксоланы... Даже сюжет борьбы руссов с амазонками, — пишет далее Толстов, — тянется от Захария Ритора (греческого автора VI в. — **Л. К.**) к Низами, воплощаясь у последнего в описание поединка пешего гиганта-дикаря из рядов руссов с прекрасной «китайской» амазонкой-лучницей... Видимо, в этих событиях (!!) отражен новый исторический этап в процессе слияния степных и лесных протославянских (роксоланских и венедских) элементов».

«Доказывая» эту фантастическую «досторию», С. П. Толстов начинает искать слово «Русь» всюду, — например, «в названии Аму-Дарьи, Аракса Геродота, в ныне существующем имени реки Арыси, в названии древней страны Усрушана (Us—Ruš+an), по соседству с которой Александр дал свой знаменитый бой скифам, послуживший прототипом битве Александра с руссами у Низами». В итоге этих наукообразных сближений получается, что свое имя русские приобрели от библейского народа «рош», вторгнувшегося в VIII в. до н. э. среди других северных племен из понто-каспийских стран в Переднюю Азию!

Далее оказывается, что не только имя русского народа, но и названия русских городов не совсем русские. Они будто бы являются синонимами названий, лежащих в основе древних азиатских народов и городов. Этим путем С. П. Толстов додумывается до того, что синонимами являются среднеазиатский Согд, крымский Судак и Суздаль. Отсюда же, по Толстову, происходит название Ростова Ярославского. Причем имена этих городов ему кажутся «эпитетами», заменяющими табуированное имя верховного божества древних киммеро-массагетов...

Так, по Толстову, античный Юг дал Северу не только название Руси, имена наших богатырей, но и названия городов и т. п.

Можно было намного увеличить перечисление «открытий» С. П. Толстова. Но, пожалуй, достаточно и сказанного. Отметим еще лишь, что в его «этюдах» приведены «сравнительные таблицы тамг», имеющие целью доказать, что родовые знаки русских князей неоригинальны и что это также определяется будто бы существовавшей системой «государств, тесно связанных между собой политически, находившихся в тесных политических взаимоотношениях и оформлявших эти взаимоотношения родственной связью между династиями...» В действительности, близость рисунка родовых знаков у разных народов об'ясняется прежде всего тем, что в их основе лежат элементы растительного или животного орнамента, который не может не иметь общих черт.

«...Могучие образы русских (некогда роксоланских) львов каменных рельефов Владимира», — как кажется С. П. Толстову, — протягивают в XII в. «линию идеологической и политической преемственности между массагетской государственностью античности и русской государственностью средневековья».

Невероятно узок и беден мир в изложении С. П. Толстова. Все яркое, ценное было якобы создано в какое-то отдаленное время, где-то у далеких от нас южных морей, в Месопотамии, Иране, Афганистане, и с назойливой нудностью повторяется на Руси в последующие эпохи.

Надо утратить чувство национальной гордости, чтобы доказывать, что русское народное творчество лишено всякой самобытности и оригинальности. Нельзя забывать того, что богатыри русского былинного эпоса являются в народном представлении носителями героических черт русского народа.

По Толстову выходит, что человечество движется по какому-то замкнутому кругу, ничего нового не происходит, все в жизни народов повторяется.

«...Древняя политическая, хозяйственная и культурная история, — пишет он, — настолько тесно переплела исторические судьбы народов различных областей нашей великой страны, что совершенно не случайно те же политические об'единения, которые создавались на заре истории, многократно возобновлялись на той же (или близкой) территориальной основе».

Далее следует прямое прославление Золотой Орды. Читаем: «Период феодальной раздробленности ослабил, естественно, эти связи (будто бы столь идеальные в древности, — **Л. К.**), но порвать их не смог. И не случайным поэтому является об'единение Хорезма, Поволжья, Черноморья, Предкавказья и Руси в рамках Золотоордынского государства. Хотя оно сложилось в результате вмешательства внешней силы, но составные его элементы были связаны между собой прежде и остались связанными и тогда, когда эта внешняя сила сошла на-нет. Не случайно сама Русь, оставив позади себя период феодальной раздробленности, **реализовала старые замыслы Святослава** и вновь в расширенном виде **восстановила то политическое единство**, которое намечалось на заре нашей истории».

По этой вредной, идеалистической концепции получается, что феодальная раздробленность нарушила якобы тесные связи между мощными цветущими государствами древнего Юга, но Золотая Орда их восстановила. Затем политическая сила Золотоордынского государства «сошла на-нет» (именно так сказано об уничтожении татаро-монгольского ига!), но по существу все-де осталось по-старому. Русь «реализовала старые замыслы Святослава», и, наконец, Великая Октябрьская социалистическая революция «завершила» этот процесс «созданием братского союза народов нашей страны».

Таким образом, наша революция в трактовании С. П. Толстова становится «завершением» замыслов Святослава, будто бы еще в X веке пытавшегося реализовать одну «из важнейших тенденций хозяйственного, культурного и политического развития народов нашей Родины». Вот до каких нелепых реакционных утверждений дошел в своих изысканиях С. П. Толстов!

* * *

Статья С. П. Толстова, как указано в сборнике, является переработанной стенограммой доклада на сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР и на сессии по этногенезу славян.

Псевдонаучные, реакционные измышления С. П. Толстова, искаженно представляющие ход исторического развития народов нашей страны, оскорбительно лишающие русский народ национальной самобытности и творческой оригинальности, предлагались вниманию такого весьма авторитетного ученого собрания, как сессия Отделения истории и философии Академии наук, очевидно, по поручению Института этнографии. Неужели Институт этнографии разделяет эти реакционные взгляды?

* С. П. Толстов. «Из предистории Руси (Палеоэтнографические этюды)». Сборник «Советская этнография», кн. VI—VII. Институт этнографии Академии наук СССР. М.—Л. 1947. Отв. редактор проф. С. П. Толстов.

Новые памятники столицы

В этом году Москву украсят четыре новых памятника — А. М. Горькому, А. Н. Толстому, В. П. Чкалову и пионеру Павлику Морозову.

Памятник Горькому устанавливается в сквере у Белорусского вокзала. Фигура великого писателя (проект скульптора И. Шадра, архитектурное оформление З. Розенфельда), вылепленная бригадой скульпторов под руководством народного художника СССР В. Мухиной, отливается в бронзе в мастерских Дворца Советов.

На Пионерских прудах воздвигается памятник А. Н. Толстому (проект скульптора Г. Мотовилова и архитектора Л. Полякова). Отлитая на ленинградском заводе «Монументскульптура» бронзовая фигура писателя уже доставлена в Москву.

Память о Чкалове будет увековечена в монументальной скульптуре великого летчика, устанавливаемой на площади перед Курским вокзалом (проект скульптора И. Менделевича и архитектора В. Андреева).

К 1 мая в детском парке имени Павлика Морозова (Краснопресненский район) сооружается памятник герою-пионеру, именем которого назван парк (проект скульптора И. Рабиновича и архитектора М. Оленева).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«ТАГГАРТЫ» И ПОКЛОННИКИ

Патриотизм, принципиальность — качества, необходимые не только политической и художественной литературе. Однако некоторые издатели и авторы до сих пор твердо убеждены, что для технической литературы эти качества не обязательны. Такой именно точки зрения придерживается Металлургиздат. В погоне за «солидными» изданиями со звучными иностранными именами издательство готово пожертвовать интересами отечественной науки и техники, рассчитывая притом, что это освобождает его от серьезной работы над подготовкой справочной технической литературы советских авторов.

Металлургиздат готовит новый перевод и второе издание американского «Справочника по обогащению полезных ископаемых» Таггарта. Этот «Справочник» примечателен, главным образом, тем, что подчеркнуто игнорирует советскую теорию и практику обогащения руд, утверждает во всем американский «приоритет», беззастенчиво рекламирует американское оборудование, да и к тому же изобилует псевдонаучными терминами.

Для советского специалиста, работающего на отечественном оборудовании, конкретные «справочные данные» Таггарта никакой ценности не представляют, а общие вопросы обогащения более полно и подробно освещены в нашей технической литературе.

Изданием этого об'емистого четырехтомного «Справочника» (240 авторских листов), который, кстати сказать, обойдется чуть ли не в 1 миллион рублей, Металлургиздат думает «откупиться» от издания настоящего советского справочника, основанного на советской теории и практике и использующего зарубежный опыт.

Издательство не только не ставит перед собой задачу — создать свой советский справочник, в котором так нуждаются наши инженерно-технические работники, но, наоборот, всячески уклоняется от этого.

Научно-исследовательский институт механической обработки полезных ископаемых — «Механобр» — в течение нескольких лет тщетно добивается включения в издательский план подготовляемого им справочника, практически гораздо более ценного, чем справочник Таггарта. Однако Металлургиздат упорно не желает поддержать полезную инициативу целого научного коллектива. Мотивы однообразны: нет бумаги, нет средств... Но почему же нашлось и то и другое для издания Таггартов, Годенов и т. д.?

Инженер А. ТРОИЦКИЙ.

Геннадий ФИШ

О ТОМ, КАК МЕЛОЧЬ СТАЛА ПРОБЛЕМОЙ

В декабре 1947 года вступил в строй восстановленный Кондопожский бумажный комбинат. Из руин и пепла, на год раньше намеченного срока, второй раз родилась Кондопога. Мы были на комбинате в те дни, когда его первая восстановленная машина стала давать 40 тонн первосортной газетной бумаги в сутки. И каждая эта тонна—подарок стране, так как получение бумаги с Кондопоги не было запланировано на 1948 год.

Но в кипучие, напряженные, радостные дни, среди множества других дел и забот, работников комбината не оставляло беспокойство: их тревожила мысль о древесине, о сырье, без которого нет бумаги.

Такую же тревогу испытывали и в Харлу, и в Сегеже, и в Ласкеля—на комбинатах, расположенных среди неоглядных карельских лесов.

Это чувство тревоги, беспокойство за дела лесников руководило нашей писательской бригадой, когда после Кондопоги мы побывали в лесу...

Но не ищите в этом письме описания картин величественной северной природы, экзотических встреч с лесорубами у пылающих в сумерках костров, не ищите даже рассказа о труде братьев Готчиевых, Пякконена и Эро Лейво—этих лесных богатырей Карелии, слава о трудовых подвигах которых гремит по стране. В этом письме речь пойдет о другом. Потому что, с кем бы мы ни встречались в лесу—от начальника лесопункта до молоденькой девушки-лесоруба, впервые взявшей в этом году в руки лучковую пилу,—наши беседы неизменно сводились к разговору о... напильнике.

Местные работники жалуются на то, что в лесу нехватает людей. В этом есть доля правды. Но несомненно и то, что те люди, которые работают сейчас в лесу, могли бы трудиться более производительно, чем сейчас.

Старые опытные лесорубы, всю жизнь проработавшие в лесу, неизменно перевыполняющие задания, говорят, что они могли бы давать стране еще больше, если бы...

И новички, только что пришедшие в лес и не выполняющие норму (а число таких на многих лесопунктах достигает половины), утверждают, что они работают хуже, чем желали бы, потому что...

Потому что плохо работают предприятия Министерства станкостроения.

— Даем куда меньше, чем следует, — сказал мне молодой лесоруб.—А разве мы не хотим работать хорошо?.. И народу лучше и нам доходнее!.. Но разве много с нее возьмешь?—он кивнул на пилу,—тупая! Пальцем не направишь!

И в самом деле очень нелегко работать тупой пилой. А в лесу напильники не растут. Производят их заводы Министерства станкостроения. Лесорубы спорят друг с другом из-за напильников—и все же выходят на делянки с тупыми пилами.

— Сколько же вы получаете напильников? — спросили мы у директора леспромхоза.

— Ровно в пять раз меньше, чем нам положено, — отвечал он. — Но это, как говорится, «по физическому об'ему», а на самом деле еще меньше, потому что качество напильников очень низкое.

Мы искренне сожалели, что не было рядом с нами в лесу министра станкостроения СССР тов. А. И. Ефремова, когда мы слушали жалобный визг пилы, с трудом вонзающей свои тупые зубья в могучий ствол высокой сосны. Если бы хватало хороших напильников, то стахановцы лесной промышленности могли бы дать вдвое больше карело-финского леса! А если принять во внимание, что не только в Карело-Финской ССР, а в разных концах страны работают в лесу сотни тысяч людей, то прирост выразился бы в десятках миллионов кубометров!

Покидая карело-финские леса, мы полагали, что нехватка напильников — явление местное. Вернувшись в Москву, мы узнали, что директора Миасского завода напильников поминают недобрым словом и в лесах Сибири, и в тайге Дальнего Востока, и в Красноярске, и в Краснодаре, и на Урале, и в Архангельске. В Москву, в Министерство лесной промышленности, летят телеграммы со всех концов страны. Вот «молния» из Тюмени:

«Острый недостаток напильников крайне затрудняет работу по выполнению плана заготовок. В ряде леспромхозов, особенно северных, создалось катастрофическое положение с точкой-правкой лесорубочного инструмента из-за отсутствия напильников. Вторично просим ускорить обеспечение треста Тюменьлес напильниками».

Телеграмму из Сибири догоняют другие—из Средней Азии, из Фрунзе... Из Красноярска умоляют: «Положение отсутствием напильников крайне тяжелое. Просим выделить хотя бы 5000 штук, обязав отгрузить только самолетом»...

Из-за того, что у лесорубов нет напильника, сотням тысяч людей в лесу приходится зря затрачивать труд, страна недополучает миллионы кубометров необходимейшей древесины.

Бумага для книг, за которыми в очереди записываются в библиотеках миллионы читателей, бумага для газет, несущих слова большевистской правды в массы; тетради для школьников—все это из леса. Крепежный лес для Донбасса! Строительный лес Сталинграду, новостройкам! Корабельный лес!.. В мешках из сегежской бумаги идут химические удобрения с комбинатов на колхозные поля, обеспечивая высокие урожаи; в таких же мешках везут цемент для строек; в бумажных мешках перевозится зерно. Для производства таких мешков нужен лес.

Мы боремся за каждый дополнительный кубометр древесины, и эта борьба начинается с борьбы за напильник. Как же могут заводы Министерства станкостроения так равнодушно относиться к запросам десятков тысяч лесорубов? И как иначе, как только равнодушием, можно назвать отношение министерства к этому важному для народа делу?

Наша промышленность изготовляет мощные стотысячные турбины, скоростные самолеты, тончайшие оптические приборы. Как же получается, что большому делу вдруг начинает мешать недостаток простых напильников?

Думается, что только потому, что до сих пор они считались «мелочью». И вот (так же, как и всюду, при невнимании к ней!) «мелочь» становится тормозом большому делу.

Для человека не равнодушного, вдохновенно-творчески относящегося к своему делу, нет малозначащих деталей! Только такой человек может видеть вещи и процессы во всей их взаимосвязи и взаимодействии—и потому умело управлять ими. Опытом войны и опытом нашего строительства мы научены, что каждое блистательно задуманное наступление, каждый технически совершенный проект только потому и реализуются отлично, завершаясь победой, что в них нет непродуманных мелочей.

Опыт наших ученых и изобретателей говорит о том, что именно от внимания к какой-нибудь на первый взгляд малозначащей «мелочи» часто возникает большое открытие, рождается ценное изобретение.

А вот производство дефицитнейших напильников идет по-старинке, и похоже на то, что здесь ничего не сделано министерством для того, чтобы расшевелить творческую мысль людей... Только этим можно об'яснить, что в то время когда мы приступаем к изготовлению лесных трелевочных тракторов, каких нет еще в мире, мы спотыкаемся о маленький напильник.

Нужно, чтобы Министерство станкостроения в своей деятельности не снижало высокого уровня советской технической культуры.

Нужно дать, наконец, то, что требует лесоруб, что требует страна, заинтересованная в каждом дополнительном кубометре древесины, нужно дать человеку, работающему в лесу, обыкновенный двухрублевый напильник высокого качества!

А. БЕРЗЕР

ВОЗМУТИТЕЛЬНАЯ НЕВОЗМУТИМОСТЬ

Калининский государственный педагогический институт выпустил «Ученые записки факультета языка и литературы».

«Ученые записки» открываются статьей доцента И. Нечаева «Пушкин в оценке Мериме». Прежде всего удивляет манера изложения автора. И. Нечаев фиксирует каждое, даже самое нелепое заявление любого малозначительного французского критика о Пушкине, о России.

Неверные, а иногда и попросту клеветнические высказывания зарубежных критиков о Пушкине излагаются автором с невозмутимым спокойствием, с бесстрастным об'ективизмом.

И. Нечаев сообщает, что во Франции до 1868 года было три точки зрения на Пушкина: «Одни говорили, что Пушкин просто подражатель Байрона; другие говорили, что Пушкин — поэт самостоятельный, но, как принадлежащий только что прикоснувшейся к цивилизации стране, он овладел только формой, но не имеет глубоких философских мыслей; третьи говорили, что он родоначальник нашей национальной литературы, но не имеет мирового значения и не может претендовать на это».

С деловым видом установив эти три точки зрения, не вызвавшие у него никаких возражений, исследователь переходит к рассмотрению отдельных критических статей. И. Нечаев пишет, что Альберт Клаво, не понявший «Бориса Годунова», все же «недурно разобрал драматические сцены Пушкина, назвав его поэтом-космополитом, который берет свое вдохновение там, где находит его,—всюду... Немного, правда, не вяжется с этим высоким определением Пушкина указание на то, что «Русалка» — вещь грубая из мира славянских суеверий, сказочная основа которой, может быть, и хороша для берегов Днепра, но для берегов Сены явно не подходяща».

Как видим, по мнению И. Нечаева, назвать великого русского национального писателя поэтом-космополитом — значит недурно разобрать его творчество. Клеветнические измышления Клаво о «Русалке» и русском народе, если верить автору, лишь «немного» не вяжутся с этим высоким определением.

И. Нечаев сообщает далее, что «более об'ективной попыткой разобраться в николаевской России и ее культуре являлась критика Сен Жюльена». В чем же заключается эта «об'ективная попытка»? Оказывается, вот в чем. «Сен Жюльен говорит, что Россия — страна очень молодая, что она только что вышла из невежества и бескультурья, а потому не может быть и речи, чтобы она не имела наряду с отрицательными и положительных качеств». Подобные высказывания Сен Жюльена И. Нечаев приводит неоднократно. Пушкин — «экзотическое явление в мировой литературе», «второстепенное явление в сравнении с западноевропейскими поэтами» и т. п.

И. Нечаев цитирует все эти оскорбительные для русского народа высказывания, не давая им никакой оценки.

Он сообщает, что, по мнению Сен Жюльена, Полтавский бой в «Полтаве»—«это только привесок, испортивший все в угоду патриотизму», что Сен Жюльен «просто третировал Евгения Онегина, исходя из своей концепции о примитивности Пушкина»,—и спокойно следует дальше.

И. Нечаев стремится подробно обрисовать отношение Мериме к Пушкину. Эта тема сама по себе не может не интересовать русского читателя. Однако из запутанных рассуждений И. Нечаева он не вынесет никакого представления об отношении французского писателя к Пушкину.

В его изложении получается, что в России вообще никто из критиков и писателей не оценил по-настоящему Пушкина, и только один Мериме понял его гениальность. О знаменитых статьях Белинского И. Нечаев не вспомнил ни разу.

После об'ективистского изложения чужих взглядов И. Нечаев начинает раскрывать собственные воззрения. Он пишет: «Крымская война и все бывшие до нее годы, когда Россия выступала в роли реакционной силы в Европе, способствовали отрицательной оценке русской культуры реакционными кругами Запада».

Таким образом, автор здесь изображает всю Россию единой и неделимой реакционной силой, зачеркивает мировую роль русского революционно-освободительного движения.

В статье «А. М. Горький и западноевропейская литература» доцент В. Ванслов дает не просто обзор высказываний Горького о зарубежных писателях, но стремится раскрыть на этом материале отношение великого писателя к литературному наследству.

Всем известно, как глубоко связан Горький с русской действительностью, как самобытен и оригинален его талант, как велико мировое значение основоположника советской литературы. В беседе с начинающими писателями «О том, как я учился писать» и в ряде других статей Горький рассказывает о роли жизненного опыта, о значении русской действительности, русской классической литературы для его творчества. Вместе с этим он называет и ряд книг западно-европейских писателей, которые произвели на него особенно сильное впечатление. А В. Ванслов вырывает отдельные цитаты из статей Горького, переосмысляет их так, что создается впечатление, будто главным источником творчества Горького были иностранные книги.

У Горького есть беглое замечание о том, что «приятели деда, разорившиеся купцы Иван Щуров, Яков Котельников рассуждали о том же и так же, как люди в знаменитом романе Теккерея...» В. Ванслов на этом основании делает совершенно неожиданный вывод: «Ярмарка тщеславия» Теккерея помогла понятьруживших с дедом купцов; «здоровый критицизм» Теккерея помог осмыслить многие социальные отношения, сложившиеся в мире аристократии и буржуазии».

В. Ванслов неверно освещает характер романтизма молодого Горького. Он пишет: «в своем собственном творчестве раннего периода Горький продолжал традиции великих романтических бунтарей, романтиков-гуманистов, какими были Байрон и Шелли в Англии, Виктор Гюго и Жорж Санд во Франции».

Правда, после этого В. Ванслов говорит об отличии Горького от западно-европейских романтиков-бунтарей, но это не меняет существа дела: автор не сумел правильно раскрыть новаторскую роль Горького в мировой литературе.

Поверхностные, содержащие ошибочные утверждения статьи И. Нечаева и В. Ванслова, исполненные чрезмерной почтительности по отношению к зарубежным «авторитетам», искажают образы гениев русской литературы — Пушкина и Горького.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательства — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01127